

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяц. . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяц. . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяц. . 6 р. —

на 6 мѣсяц. . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поваревой пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Надеждинск., д. 19, кв. 32, а
также въ книж. маг. Воль-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Судьба амурскихъ переселеній.—Вѣсти съ Востока, (съ Китайской границы).—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Оренбурга, Тобольска, съ Юга Западной Сибири, изъ Тюмени и Иркутска.—Еще по поводу крестьянскихъ учреждений.—Роковая встрѣча (очеркъ) Н. И. Исумова.—Подвижники и благотворители на окраинахъ.—Хроника жизни за недѣлю.—Библиографія.—Записки Импер. русск. географич. общества т. X.—Путешествіе черезъ Сибирь Н. Спафарія. Спб. 1882 г. Н. П.—на.—Биржевыя извѣстія.—Объявленіе.

СУДЬБА АМУРСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ.

Въ то время, когда тратятся значительныя суммы и хлопоты на вызовъ и перевозку русскихъ крестьянъ на Амуръ моремъ, намъ прислано слѣдующее сообщеніе о судьбѣ добровольныхъ колонистовъ-странниковъ, слѣдующихъ на Амуръ черезъ Сибирь сухопутно.

Лѣтомъ 1881 г., по вызову правительства, отправились на Амуръ 18 крестьянскихъ семействъ Полтавской губ., Константиноградскаго уѣзда, Карловской вол., дер. Варваровки. До Тюмени они доѣхали благополучно, но здѣсь у 2-хъ семействъ не оказалось средствъ на дальнѣйшій путь и они должны были остаться въ Тобольской губ.; остальные поѣхали дальше, и что стало съ ними—неизвѣстно. Что было дѣлать оставшимся въ незнакомой странѣ? Одна семья основала свои надежды на довольно романической исторіи. Дѣло въ томъ, что незадолго до рѣшенія переселенцевъ отправиться въ путь, въ дер. Варваровку вернулся солдатъ, который рассказывалъ, что служилъ въ Сибири, и передавалъ слѣдующее. Случилось ему однажды въ одномъ городѣ явиться за чѣмъ-то къ полковнику. Послѣдній всмотрѣлся въ него и затѣмъ назвалъ его по имени. Солдатъ удивился.—„А ты не узнаешь меня?“ спросилъ полковникъ.—„Нѣтъ, не узнаю, ваше в—діе!“ Тутъ полковникъ открылъ ему, что онъ носитъ чужое имя, въ дѣйствительности-же, онъ его односельцецъ Петръ Солоха. Давно, еще передъ крымской кампаніей, помѣщикъ отправилъ его въ арестантскія роты. Во время войны ему позволено было поступить солдатомъ въ армію; здѣсь онъ отличился и дослужился до офицерскаго чина, затѣмъ, перемѣнилъ имя и фамилію и дослужился до чина полковника. Впослѣдствіи онъ вступилъ во второй бракъ (при живой первой женѣ) и въ настоящее время живетъ въ Н., гдѣ имѣетъ собственный домъ. Солдатъ описалъ въ подробности домъ и указалъ, какъ его найти. Вотъ этотъ-то легендарный полковникъ оказывался отцомъ одного изъ оставшихся въ сибирскомъ городѣ переселенцевъ—Антоня Петровича Солохи. Конечно, вся эта исторія составляла плодъ досужей

фантазіи солдата, но семья пропавшаго безъ вѣсти и, вѣроятно, убитаго на войнѣ Петра Солохи ей повѣрила:—„Поѣдемъ! убѣждалъ свою мать Антонъ, теперь уже мужикъ 38 лѣтъ: тамъ намъ будетъ хорошо! тамъ отецъ, онъ теперь богатъ, онъ насъ не оставитъ!“ Насколько сбылись розовыя надежды Антона, мы видѣли: уже въ Тюмени не на что было ѣхать дальше. Первымъ дѣломъ отправились разыскивать домъ отца-полковника. Дѣйствительно, солдатъ не совралъ: и домъ, и мѣстоположеніе оказались такими, какими онъ ихъ описывалъ. Но самого хозяина налицо не было: онъ уѣхалъ въ Восточную Сибирь. Съ его женой мужики не сочли удобнымъ говорить и ушли ни съ чѣмъ. Это было первое разочарованіе. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ лишеній. Стали искать работы. Сначала попали къ какому-то купцу на кирпичный заводъ, поработали здѣсь до страды; тогда нанялъ ихъ въ работники одинъ крестьянинъ дер. Мало-Удаловой (Ишимскаго окр.), гдѣ они временно и осѣли на перепутьи. Здѣсь имъ, по крайней мѣрѣ, не пришлось голодать: работой на крестьянъ-домохозяевъ они добывали себѣ кое-какое пропитаніе. Но скопить изъ заработка что-нибудь на дальнѣйшій путь было невозможно: и безъ того они терпѣли сильную нужду. Такимъ образомъ они живутъ здѣсь уже второй годъ. Въ это время они изыскивали способы добраться до мѣста назначенія. Во-первыхъ, конечно, они не отказались отъ надежды на „отца-полковника“ и написали ему письмо, которое послали съ оказіей, черезъ дьячка. Послѣднему было приказано передать письмо въ собственныя руки полковнику, а если его не окажется, то привезти письмо обратно, не показывая полковницѣ. Дьячекъ такъ и сдѣлалъ; полковника и онъ тоже не засталъ. Тогда Антонъ Солоха и его мать послали полковнику письмо по почтѣ, въ немъ они писали „отцу“, чтобъ онъ ихъ не опасался, такъ какъ они его не выдадутъ; старуха прощала ему, что онъ женился на другой женѣ: „Богъ съ нимъ, мнѣ бы только еще разъ увидѣться съ нимъ!“ Но письмо имъ вернули обратно, по неважноженію адресата. Дѣлали-ли они другія попытки къ отысканію своего отца, мнѣ неизвѣстно.

Конечно, поисками отца наши переселенцы не ограничивались. Притомъ-же съ ними была другая семья, которая не могла основывать своихъ надеждъ на „отцѣ-полковникѣ“. Поэтому они стали хлопотать о выдачѣ имъ пособія. Подавали они разныя прошенія, немало денегъ переплатили и адвокату. Наконецъ, прошлымъ лѣтомъ, т.-е. черезъ годъ они получили отъ генераль-губернатора Восточной Сибири бумагу, которою они извѣщались, что имъ будетъ выдано вспомошествованіе на дальнѣйшій путь. Не удивляйтесь, что бумага странствовала столько времени; надо удивляться, наоборотъ, какъ она пришла такъ скоро. Да и въ самомъ дѣлѣ: отъ генераль-губернатора Восточной Сибири бумага пошла, надо полагать, къ генераль-губернатору Западной Сибири, отъ послѣдняго къ тобольскому губернатору; затѣмъ, послѣдній препроводилъ ее ишимскому окружному полицейскому управленію; наконецъ, это послѣднее препроводило ее въ черемшанское волостное правленіе, гдѣ она была предъявлена обоимъ переселенцамъ: Антону Петровичу Солохѣ и Григорію Поликарповичу Отливанному. Но денегъ съ этой бумагой еще не прислали; для этого требовались еще minimum двѣ инстанціи (вѣроятно, больше): одновременно съ предписаніемъ въ полицейское управленіе, тобольскій губернаторъ послалъ другое, въ обычномъ порядкѣ, казенной палатѣ, которая въ свою очередь выслала ассигновку въ ишимское казначейство и талонъ въ ишимское окружное полицейское управленіе. Въ іюлѣ прошлаго года мужикамъ объявлено было распоряженіе о выдачѣ имъ денегъ, а деньги пришли въ полицейское управленіе только въ концѣ декабря, т.-е. почти черезъ полгода. Полицейское управленіе предписало черемшанскому волостному правленію вызвать переселенцевъ для полученія денегъ, но нынче у насъ уже февраль, а волостное правленіе еще не вызвало мужиковъ. Такимъ образомъ, на передачу распоряженія всего за 7 верстъ требуется почти два мѣсяца, скажемъ: слишкомъ мѣсяць. Такъ какъ отъ Иркутска до Ишима 2,800 верстъ, то, принимая ту же скорость движенія, найдемъ, что деньги изъ Иркутска должны бы придти не ранѣе, чѣмъ черезъ 400 мѣсяцевъ, т.-е. черезъ 33 года и 4 мѣсяца—какъ разъ, какъ въ сказкѣ: ровно тридцать лѣтъ и три года. Какъ видите, въ сравненіи съ этимъ переселенцамъ все-таки пришлось ждать не очень долго: всего какихъ-нибудь 1½ года. Кто знаетъ, каково безземельному крестьянину-батраку въ зимнее время, пойметъ положеніе несчастныхъ посреди пути. Въ полицейскомъ управленіи они говорили, что имъ жить не на что.

Какая-же это сумма, изъ-за которой вышло столько хлопотъ столькимъ начальствамъ? А всего ни болѣе, ни менѣе какъ по 30 руб. на семью,—это до Иркутска, т.-е. по одной копѣйкѣ съ версты на семью изъ 5—6 человѣкъ. А если сопоставить съ этой цифрой содержаніе высланнаго для врученія переселенцамъ маршрута (мимоходомъ сказать, крайне неграмотно напечатаннаго), то право отъ души посмѣешься иркутскому остроумію. „Въ Томскѣ можете купить лошадей,—тамъ хорошія и недорогія лошади...“ (это изъ одной копѣйки на версту, порядочная лошадь должна стоить minimum 20 руб.). Въ Иркутскѣ переселенцамъ снова будетъ выдано по 30 руб. на семью и въ Читѣ столько-же. Замѣчательно здѣсь то, что на разстояніи въ 2,800 в. отъ Ишима до Иркутска, въ 900 в. отъ Иркутска до Читы и въ 1,500 в. отъ Читы до Благовѣщенска назначены одинаковыя суммы.

И здѣсь тоже не обошлось безъ юмора: черезъ Байкаль совѣтуютъ переправиться на плотахъ, (?) для чего рекомендуется купить лѣсъ, который потомъ можно выгодно продать. Затѣмъ, изъ Стрѣтенска или Читы мужикамъ предлагаютъ телеграфировать въ Благовѣщенскъ въ канцелярію губернатора, тогда къ ихъ приѣзду будетъ приготовлено все необходимое (телеграмма стоитъ 1 р. 20 к. за 10 словъ). По прибытіи въ Благовѣщенскъ имъ обѣщаютъ заимообразно вспомошествованіе на первое обзаведеніе.

Такова казовая сторона дѣла. Вольные переселенцы на Алтай считаютъ необходимымъ на путешествіе по меньшей мѣрѣ рублей около 100, чтобы не прибѣгать къ прошенію подаенія, а казна почти на такое-же разстояніе отпускаетъ 30 рублей.“

Приводимая корреспонденція показываетъ, что, создавая бюрократическимъ путемъ новыя грандіозныя проекты, мы часто весьма неопытны бываемъ въ дѣлахъ жизни, обходимъ удовлетвореніе ближайшихъ задачъ и упускаемъ синицу изъ рукъ. Мѣстное канцелярское руководство переселенцевъ оказывается весьма плохимъ. Переселенцы по вызову бѣдствуютъ; поневолѣ сравнишь вольно-народную колонизацію и устройство переселенцевъ собственными силами хотя, на примѣръ, въ Алтай.

Странно, что судьба переселенцевъ, идущихъ на Амуръ черезъ Сибирь сухимъ путемъ, далеко не заслужила такого вниманія восточно-сибирской администраціи, какъ созданная ею перевозка моремъ, а между тѣмъ здѣсь-то бы и необходима была помощь, какъ и изслѣдованіе нуждъ переселенцевъ. Что ближе, то сплошь и рядомъ мы не замѣчаемъ.

Что касается Амурскаго проекта колонизаціи посредствомъ перевозки моремъ, то съ легкой руки онъ понемногу подвергается критикѣ столичной печати. Такъ одна газета, рассматривая положеніе дѣлъ въ Уссурийскомъ краѣ, сравниваетъ тѣ мѣры, которыя принимаетъ Китай къ колонизаціи своихъ окраинъ. Китайское правительство серьезно захотѣло усилить оборону Манджуріи. Допустивъ колонизацію, оно не ставитъ препятствій колонистамъ. Принимая-же во вниманіе огромное населеніе внутренняго Китая и ту настойчивость, съ которой распоздается китайское населеніе, на примѣръ, въ Америку, гдѣ уже начинаютъ имъ тяготиться, естественно заключить, что китайская колонизація пуститъ широко корни.

По этому поводу „Новости“ припоминаютъ условія русской колонизаціи на Амурѣ.

„Хотя необходимость заселенія Южно-Уссурийскаго края была, какъ видно, признана еще въ 1880 году, однако мѣры относительно переселенія начали приниматься только въ прошломъ году. Предположено переселять, въ теченіи 10 лѣтъ, по 250 семействъ ежегодно. Такимъ образомъ, въ этотъ срокъ будетъ перевезено около 2,500 семействъ. Перевозка 250 семействъ изъ Одессы во Владивостокъ обойдется въ 75,000 рублей. На закупку пшеницы, овса, гороха и огородныхъ сѣмянъ назначено 10,000 руб., на заготовленіе продовольствія для переселенцевъ въ первые полтора года 75,000, на приобрѣтеніе желѣза, стали, земледѣльческихъ орудій и устройство склада для этихъ предметовъ во Владивостокѣ—20,000, на устройство жилищъ на новомъ мѣстѣ 25,000 р. Кромѣ того, для переселенцевъ заготовлено 2,000 телѣжныхъ колесъ, 40 мельничныхъ жернововъ, платье и

обувь. Въ итогѣ, переселеніе каждаго 250 семействъ будетъ стоить казнѣ свыше 200,000 руб. На мѣстѣ водворенія имъ предположено отводить 15 дес. земли на семью и давать рабочій скотъ. По приведенному разсчету, выселеніе 2,500 семействъ должно обойтись казнѣ болѣе, чѣмъ въ 2.000,000 руб. Нельзя не пожалѣть, что начавшееся въ исходѣ 50-хъ годовъ переселеніе на Амуръ было остановлено разными стѣснительными мѣрами („Новости“, № 83).

Говоря о ничтожномъ контингентѣ нашихъ колонистовъ, газета въ заключеніе прибавляетъ: переселеніе 2,500 семей будетъ полезно „развѣ только для того, чтобъ противодѣйствовать разбоямъ и грабежамъ, производимымъ китайскими „хунхузами“. Разсчитывать-же на то, что они создадутъ оплотъ противъ имперіи съ такимъ населеніемъ, численность котораго въ нѣсколько разъ превышаетъ число жителей Россіи, было бы весьма трудно.“

Изъ этого видно, что новый амурскій проектъ перевозки 2,500 семействъ далеко не достигаетъ цѣли, при всемъ томъ, что эта новая колонизація будетъ стоить милліоновъ.

Не надо забывать, что удача амурскаго проекта еще впереди. Кто знаетъ, какъ крестьяне освоятся съ морской перевозкой. Недавно изъ небольшого числа ихъ заболѣли на кораблѣ 50 человекъ, и ихъ принуждены были высадить. Часть пытовщиковъ воротились, не найдя подходящихъ мѣстъ. Казенное руководство на Амурѣ можетъ постигнуть неудача, какъ многія предшествовавшія попытки. Сколько намъ извѣстно, послѣдній амурскій проектъ есть тотъ-же продуктъ канцелярскаго наитія и вдохновенія, а не изученія жизни. Мы не разъ указывали, что собственно амурская колонизація должна осуществляться въ связи вообще съ колонизаціей Сибири. Общія облегченія переселеній въ Сибирь усиливать и переселенія на Амуръ.

Разсмотрѣніе условій колонизаціи, изученіе путей слѣдованія и послѣдствій ея для колонистовъ, поэтому, составляетъ пока текущую задачу и, едвали какой-либо остроумный проектъ можетъ сразу разрѣчь этотъ Гордіевъ узелъ народной жизни.

ВѢСТИ СЪ ВОСТОКА.

(Съ китайской границы).

Приводимъ интересный рассказъ приказнаго М. Свѣтличнаго о воинскихъ доблестяхъ китайскаго офицера и подчиненныхъ ему солдатъ, которые ѣздили съ нашими тремя казаками изъ Кульджи на р. Кашъ.

„Приказный Михаилъ Свѣтличный 2-й, командированный 5 числа января мѣсяца сего года съ 2 казаками на р. Кашъ, разсказалъ слѣдующее: „5 января командующимъ полкомъ я былъ посланъ съ 2-мя казаками въ распоряженіе консула, гдѣ переночевалъ и 6-го числа утромъ консуломъ былъ посланъ вмѣстѣ съ переводчикомъ Сташковымъ на квартиру китайскаго офицера, посланнаго командующимъ китайскими войсками, цзянь-цзюнемъ Дзинемъ, и препровождавшаго съ конвоемъ изъ китайскихъ войскъ въ числѣ 133 человекъ изъ Суйдуна на р. Кашъ—калмыковъ, стрѣльцовъ крѣпости. Офицеръ, угостивши насъ чаемъ, объявилъ намъ, что мы поступили подъ его команду; въ 9 часовъ утра мы выѣхали изъ Кульджи; насъ догналъ одинъ таранча и объявилъ китайскому офицеру, что его встрѣтятъ 120 дунганъ и таранчи; офицеръ, испугавшись, позвалъ меня и передалъ весь отрядъ въ мое распоряженіе, сказавши: „я не знаю, что мнѣ дѣлать—дѣлай какъ знаешь, по вашимъ обрядамъ“. Въ это же время онъ мнѣ сказалъ, чтобы я указалъ ему

порядокъ слѣдованія, и конвой свой отдалъ въ полное мое распоряженіе, приказавши выдавать тѣхъ людей, какихъ я потребую; послѣ чего я сейчасъ же выбралъ и послалъ 60 человекъ китайскихъ солдатъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ авангардъ на версту впередъ, а остальныхъ, вооруженныхъ одними пиками, оставилъ собственно въ конвоѣ за калмыками, которыхъ было 180 человекъ, навьюченныхъ всѣми продовольственными припасами, а также покупками, приобретенными въ г. Кульджѣ. Въ 35 верстахъ отъ Кульджи въ кишлакѣ сдѣлали ночлегъ, гдѣ часовъ въ 6 вечера одинъ таранча объявилъ мнѣ, чтобы мы были ночью поосторожнѣе, потому что дунгане въ числѣ 120 человекъ имѣютъ намѣреніе перерѣзать весь отрядъ; черезъ часъ времени у нашей квартиры собрались человекъ 50 таранчей и человекъ 20 дунганъ и стали требовать сначала отъ казаковъ, а потомъ отъ меня, чтобы мы выдали китайцевъ и калмыковъ, въ противномъ же случаѣ ночью все равно всѣ будутъ перерѣзаны, въ томъ числѣ и казаки, и указали на огни въ горахъ (лѣвѣе восточнаго Мазара), страшая, что тамъ дунганъ больше ста человекъ. На это я имъ отвѣтилъ: „не бѣда, что ихъ больше ста человекъ, у насъ есть берданки и по 80 патроновъ, на каждаго слишкомъ хватить; а если хотите, начинайте, посмотримъ, кому достанется—тотъ и возьметъ калмыковъ; русскій человекъ не таковъ, чтобы отдавать то, что ему поручено начальствомъ“. Таранча мнѣ опять сказалъ, что „лучше отдавайте, а то увидите что будетъ ночью“. За это я его ударилъ въ шею и сказалъ: „если хотите, то начинайте, а нѣтъ, такъ не мели попусту и убирайся“. Потомъ я пошелъ къ казакамъ и сказалъ: „пойдемте чай пить, а если будетъ что ночью, то потомъ натѣшимся“. Требованіе это узналъ китайскій офицеръ и, потребовавъ меня, сталъ спрашивать моего совѣта: какъ въ данномъ случаѣ поступить, что предпринять? я въ подробности передалъ ему требованіе отъ меня о выдачѣ ихъ и сказалъ, что я на выдачу ихъ не согласился и передалъ все сказанное мною имъ, и сказалъ требующей сторонѣ, что если хотятъ, то пускай начинаютъ, а тамъ кому достанется, посмотримъ; слова эти нѣсколько успокоили офицера и онъ, обрадовавшись, отдалъ весь отрядъ въ мое распоряженіе; потомъ я пошелъ чай пить; офицеръ китайскій до того испугался, что опять приближалъ къ намъ въ саклю, и началъ разспрашивать: скоро-ли я часовыхъ поставлю? и убѣждалъ меня, чтобы я все это поскорѣе сдѣлалъ. Я сказалъ ему: „чаю напьемся и тогда все сдѣлаю“, и предложилъ ему чаю; когда онъ выпилъ чаю, тогда я пошелъ разставлять посты. Осмотрѣвши оружіе и отобравъ лучшее, я поставилъ 2-хъ часовыхъ и 28 человекъ положилъ въ потайномъ мѣстѣ къ сторонѣ, откуда можно было ожидать нападенія, людей приказалъ снѣгать; служба ими исполнялась въ точности, въ чемъ я убѣдился при провѣркѣ. Когда я расположилъ двухъ часовыхъ и въ секретъ положилъ 28 человекъ, то китайскій офицеръ меня спросилъ: „Зачѣмъ я такъ дѣлаю и зачѣмъ я 28 человекъ спряталъ, а почему не оставилъ только 2-хъ часовыхъ? Я ему отвѣтилъ: „что если только 2 часовыхъ оставить, то когда дунгане нападутъ, то могутъ ихъ сразу убить, а когда спрятанные люди встрѣтятъ ихъ залпомъ, то они оробѣютъ“. Тогда офицеръ, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: „Ахъ, урусъ, якши! дѣлай какъ знаешь“. Ночью по кишлаку были слышны шумные разговоры.

Утромъ отправились дальше къ горѣ у восточнаго Мазара. Когда отошли верстъ 10 отъ ночлега, то одинъ таранча предупредилъ офицера, что ихъ по дорогѣ въ сухой рѣчкѣ встрѣтятъ дунгане и что ихъ очень много. Тогда китайскій офицеръ подзвалъ меня и сказалъ, чтобы мы, казаки, были все время при его повозкѣ, что я и сдѣлалъ. Когда отошли верстъ 20 отъ ночлега, показались по горамъ шайки; тогда авангардъ остановился, держа ружья на готовѣ, растерявшись и не зная, что ему дѣлать. Оттуда приближалъ посланный съ извѣстіемъ, что „казаки“ (китайцы свою кавалерію называютъ казаками) нейдутъ, что много дунганъ спустилось въ сухую рѣчку и онъ, т.-е. посланный, не знаетъ, что ему дѣлать и просилъ у своего начальника помощи. Тогда офицеръ опять меня позвалъ и просилъ послать на помощь нашихъ казаковъ, что я и сдѣлалъ, пославъ обонхъ; а когда хотѣлъ и самъ ѣхать, то офицеръ меня не отпустилъ, сказавши: „какъ же я одинъ-то останусь? могутъ напасть сзади и убить“. Тогда я, оставшись при немъ, далъ своимъ казакамъ надлежащую инструкцію, сказавъ, чтобы огонь открывали только тогда, когда начнутъ дунгане, и преду-

предилъ ихъ быть осторожнѣе; два казака наши поскакали и всю шайку, состоявшую человекъ изъ 30, разогнали и дальше вплоть до Мазара ѣхали все время впереди. Авангардъ же двинулся тогда только, когда наши казаки поѣхали впереди его. На вопросъ нашъ, зачѣмъ же насъ потревожили разгонять шайку, когда сами стояли на мѣстѣ, переводчикъ сказалъ, что они „хотѣли испытать русскихъ, какъ они соблюдаютъ порядокъ въ походѣ“. На Мазарѣ сдѣлали ночлегъ; вечеромъ барантаци, въ числѣ 100 человекъ, разсѣлись по горамъ и начали спускаться къ мѣсту стоянки; спустившись, потребовали меня и начали уговаривать о выдачѣ отряда, просили казаковъ поселиться въ другой сакль, чтобы при рѣзнѣ не убить и насъ; я ихъ всѣхъ обругалъ, послѣ чего они отошли; спустя нѣкоторое время, они снова подступили и начали требовать настоятельно и открыто вызывать китайцевъ на драку, толкая многихъ изъ нихъ руками; офицеръ призвалъ всѣхъ насъ 3-хъ чел., и объявилъ, что онъ совсѣмъ испугался и спасенье ихъ въ рукахъ казаковъ. При этомъ онъ сказалъ: „не двинуться-ли дальше“? Я ему отвѣтилъ, что этого нельзя сдѣлать, потому что пѣший человекъ да еще навьюченный, прошедши 30 верстъ, не можетъ, не отдохнувши, пройти еще 70 верстъ, тѣмъ болѣе, что поднялся буранъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ: „дѣлай какъ знаешь, посты разставь также, какъ и вчера дѣлалъ“! Я офицера успокаивалъ, говорилъ ему, что я ихъ не выдамъ и что если ихъ убьютъ, то мнѣ нельзя тогда и показаться нашему начальству. Переводчикъ подтвердилъ мною сказанное; тогда офицеръ сказалъ: „ай, ай какой законъ хорошей у русскихъ“! Принявъ всѣ нужныя предосторожности, я успокоилъ офицера. Между барантаци были слышны разговоры, что казаки ходятъ съ заряженными винтовками и имъ, барантаци, въ концѣ-концовъ можетъ быть плохо; къ утру они совсѣмъ скрылись. 8 числа утромъ отрядъ двинулся къ Кашу. Когда пришли на Кашъ, намъ долго не отводили квартиры и не давали продовольствія, какъ намъ, такъ и лошадямъ нашимъ; тогда, простоявши долго на холоду, я пошелъ къ офицеру и сказалъ ему: „какъ же это? когда на васъ нападали дунганы и таранчи, то русскіе вамъ нужны были, а теперь, когда вы въ безопасности, то не хотите дать намъ и лошадямъ нашимъ продовольствія и помѣщенія“. На это онъ грубо мнѣ отвѣтилъ отказомъ; а когда я почти насильно отобралъ барана и фуража и потребовалъ у него хлѣба, пригрозивъ, что въ противномъ случаѣ они возвратятся въ Кульджу одни (это-то и подействовало на него, именно боязнь возврата въ Кульджу безъ казачьяго конвоя), то онъ сталъ извиняться передо мною въ томъ, что накурившись опиуму и выпивъ джунъ-джуну, совсѣмъ забылъ про казаковъ; усадилъ меня съ собою и, напивши чаемъ, далъ лепешекъ и отпустилъ. Потомъ сказалъ, чтобы я на завтра часовъ въ 10-ть пришелъ къ нему, что онъ послалъ за 30-тью баранами и за мукою и что я могу выбрать самаго лучшаго барана и взять муки. Когда на завтра я пришелъ, то бараны были разставлены и я выбралъ хорошаго барана и взялъ муки, а остальное онъ уже роздалъ своимъ солдатамъ. Послѣ дневки, конвой отправился обратно.

На восточномъ Мазарѣ на вопросъ мой, зачѣмъ таранчи и дунганы беспокоили насъ въ передній путь, таранчи отвѣчали, что имъ нужно было калмыковъ, работавшихъ цѣлое лѣто и осень и слѣдовательно имѣвшихъ большія деньги. По дорогѣ съ восточнаго Мазара выѣхали 11 человекъ дунганъ, которые черезъ кишлакъ скрылись въ горы; китайцы было бросились за ними, но сейчасъ же отстали, потому что лошади у нихъ были плохо кованы. Офицеръ послалъ меня въ кишлакъ съ нашими казаками, думая, что дунганы тамъ скрылись, и велѣлъ привести къ нему этихъ дунганъ; я обошелъ весь кишлакъ и по слѣду увидѣлъ, что дунганы скрылись въ Ачальскихъ горахъ, и что лошади ихъ были кованы на русскія подковы. Не нашедши ничего, я пошелъ къ офицеру сказать, что въ кишлакѣ дунганъ нѣтъ; въ это время китайцы, всѣ на лошадяхъ, принявъ одного таранчу за барантаци, тащили къ офицеру; я увидѣлъ это и зная, что это житель яврный, просилъ офицера его освободить; тотъ исполнилъ мою просьбу. Затѣмъ до Кульджи дошли благополучно; отпуская насъ, офицеръ сдѣлалъ намъ подарокъ по 5 руб. каждому“.

ХРОНИКА.

6-го апрѣля въ общемъ собраніи Императорскаго географическаго общества прочитанъ былъ годовой отчетъ. Изъ отчета видно, что всѣхъ экспедицій въ отчетномъ году было 10, въ томъ числѣ на Новую землю, Сахалинъ, въ Памиръ, Мервъ, на Кавказъ, Уралъ и пр. Кроме того, обширное международное предпріятіе — устройство метеорологическихъ полярныхъ станцій, подготовлявшееся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, получило, наконецъ, осуществленіе, и 14 станцій открыли свои дѣйствія, именно: на устьяхъ Лены и Енисея, на Новой Землѣ, въ русской Лапландіи, Босефонѣ, Шинцбергенѣ, на о. Лия-Мойенѣ, въ Гогъ-Гавенѣ, Кумберландъ-зундѣ, три въ Сѣв. Америкѣ и двѣ въ южномъ полушаріи. Относительно изданій общества нельзя не отмѣтить почти законченный въ отчетномъ году географическій словарь Россійской имперіи, составленный подъ редакціей П. П. Семенова; далѣе обращаютъ на себя вниманіе „Землевладѣніе Азіи“ К. Риттера, разработка сибирской нивелировки, статистическо-экономическое обозрѣніе Бухарскаго ханства и, наконецъ, изданіе трудовъ разныхъ экспедицій. Въ заключеніе доложены были въ томъ же засѣданіи результаты экспедиціи на Сахалинъ нашего земляка И. С. Полякова. Г. Поляковъ совершилъ нѣсколько экскурсій, изслѣдовалъ островъ въ естественно-историческомъ отношеніи, кроме-того сдѣлалъ открытія по археологін, открылъ вещи каменнаго періода, собралъ черепа. Это первыя открытія на Сахалинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ путешественникомъ произведены любопытныя изслѣдованія надъ мѣстными инородцами.

Въ Петербургѣ съ весною готовится въ новое путешествіе въ Тибетъ Н. М. Пржевальскій. Экспедиція Г. Н. Потанина въ Гань-Су, по сообщенію газеты „Новости“, отправится моремъ въ іюль мѣсяцъ. Спутниками его будетъ супруга и М. М. Березовскій. Часть издержекъ экспедиціи обеспечиваетъ, какъ мы слышали, извѣстный своимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ В. П. Сукачевъ. Часть коллекцій Г. Н. Потанина поступитъ въ Восточно-Сибирскій отдѣлъ географическаго общества.

Изъ Полтавы въ „Новости“ сообщаютъ, что „вопросъ о переселеніи на Амуръ весьма интересуеетъ жителей этой губерніи, а особенно Константиноградскаго уѣзда, гдѣ соединились всѣ неблагопріятныя для земледѣлія условія, хотя пространство этого уѣзда весьма велико, сравнительно съ численностью населенія. Около 500 семействъ запаслись уже общественными приговорами для переселенія и готовятся, съ началомъ весны, въ дальнюю дорогу. Еще большее число семействъ думаетъ, совѣтуется и находится въ нерѣшительномъ состояніи, увлекаясь мыслью, что крестьянскій банкъ дастъ имъ возможность пріобрѣсть землю. По рукамъ ходятъ телеграммы изъ Благовѣщенска, изъ которыхъ видно, что на каждую семью переселенцевъ будетъ опредѣлено до 100 десятинъ земли и выдано, по прибытіи на мѣсто, по 60 р. Масса телеграммъ, отправляемыхъ въ Благовѣщенскъ съ разными вопросами, принесла телеграфному вѣдомству дохода до 4,000 р. только со станцій, лежащихъ въ чертѣ Константиноградскаго уѣзда“. Итакъ, Амуръ снова волнуетъ русское крестьянство; во что-то обойдется ему этотъ новый опытъ переселеній?..

Въ „Русскія Вѣдомости“ корреспондентъ изъ Рязани сообщаетъ о подобныхъ-же сборахъ къ переселенію: „въ нѣкоторыхъ селахъ всю зиму шла исподволь распродажа имущества готовящимися выселяться“.

Колонизація на югъ Томской губерніи, такимъ образомъ, продолжаетъ свое теченіе. Желательно, чтобы хотя здѣсь не оказывалось препятствій и алтайское начальство въ лицѣ новаго состава управителей усвоило правильное возрѣніе на колонизаціонный вопросъ въ смыслѣ развитія и преуспѣванія горнаго округа, представляющаго еще множество незаселенныхъ пространствъ.

Въ „Новомъ Времени“ 8-го апрѣля появилась любопытная корреспонденція изъ Владивостока, подтверждающая и описывающая подробно продѣлку съ пароходомъ „Augustus“, о которомъ уже была у насъ корреспонденція. Подвиги агента гамбургскаго страхового об-

щества описываются подробно. Пароходъ почти безъ поврежденія признанъ былъ негоднымъ и проданъ съ аукціона съ товарами за 14,050 р., купилъ его приказчикъ того-же г. Нобеля; одного подмоченнаго товара было продано на 40,000 р., говоритъ корреспондентъ, и „въ придачу цѣлый и невредимый пароходъ“.

Вотъ такъ афера!... Про это дѣло и дѣятели выражаются на мѣстѣ такъ: Ну, и „чистодѣлы!“ Мы же скажемъ. „Да, на Амурѣ, какъ видно, можно дѣла дѣлать! Не даромъ онъ привлекаетъ... иностранцевъ à la Нобель.“

Извѣстный законъ: „однородныя причины порождаютъ однородныя послѣдствія“, пока порядокъ зависимости причинъ и послѣдствій останется неизмѣннымъ, будетъ всегда справедливымъ. Читая въ № 14 „Судеб. Газеты“ о положеніи дѣла въ мірѣ юридическомъ, въ предѣлахъ сѣверной окраины, именно корреспонденціи г-на Сибирцева изъ Архангельска, невольно переносишься мыслью въ восточную окраину, далекую Сибирь—до того жизнь сѣвера похожа на жизнь востока и до того условія того и другого одинаковы.

„Судебный персоналъ на окраинахъ, по характеристикѣ корреспондента, ниже всякой даже самой снисходительной критики. Въ этомъ персоналѣ можно найти и отставныхъ квартальныхъ, и почтальоновъ, и писцовъ разныхъ губернскихъ канцелярій, и отличившихся канцелярскихъ служителей, и... урядниковъ“. Смыслныхъ разнаго рода, прибавимъ мы отъ себя въ приложеніи къ Сибири. „Какой судъ способенъ творить эти господа, понятно само собою: они не умѣютъ отличить уголовного дѣла отъ гражданского, „опредѣленія и „постановленія“—пишутся безграмотно“ и т. д. Мало-ли чего творится такого, что могло бы съ честью занять мѣсто въ юмористическомъ журналѣ; но, спрашивается, каковѣ все это нести на себѣ населенію? не даромъ, значитъ, стонъ раздается. Въ той-же „Судебной Газетѣ“ передавалось изъ Томска, какъ мытарствуютъ дѣла въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ только вслѣдствіе того, что судьи не могутъ отличать уголовныхъ дѣлъ отъ гражданскихъ. Подобное-же „восточно-окраинское“ дѣло доходило на-дняхъ до сената, и онъ уже объяснить различіе основаній уголовного и гражданского процесса. Упомянувъ о томъ, что губернскимъ начальствомъ получено увѣдомленіе о невозможности введенія новыхъ судебныхъ учреждений на сѣверѣ, вслѣдствіе отсутствія „свободныхъ суммъ“ въ государственномъ казначействѣ, корреспондентъ возражаетъ на это: „какъ! не имѣется какихъ-нибудь „свободныхъ“ 300,000 руб., которыми можно даровать сносный судъ великому краю, нѣтъ такой сравнительно ничтожной суммы, чтобы избавить многотысячное населеніе отъ безконечныхъ притѣсненій, скажемъ прямо, гнета до-реформенно судебныхъ дѣятелей? Этому не хочется вѣрить“. Если нѣтъ пресловутыхъ „свободныхъ суммъ“, говоритъ корреспондентъ: „такъ дайте „несвободныя“ суммы:—онѣ и кстати закрѣпощенному вѣковой неправдою криваго суда и произвола народу!“ Но будемъ читать дальше: „...вовсе не надо близко даже стоять къ мѣстнымъ уѣзднымъ судамъ, чтобы видѣть, что вся ихъ дѣятельность носитъ характеръ правильно организованнаго грабежа и вымогательства. За деньги вы здѣсь все можете сдѣлать, отъ всего можете откупиться, причемъ надо отдать справедливость „дѣятелямъ“, они часто довольствуются малымъ: съ одинаковымъ безпристрастіемъ приемиютъ и фунтъ чаю, и теленка, и „почти новыя“ голенищи, и 10 арш. ситцу, и полтинникъ, и даже хомутъ! все это факты, факты, читатель!“ прибавляетъ корреспондентъ. Но тотъ, кто бывалъ въ Сибири, не потребуеетъ увѣреній, что это „факты“; напротивъ, наивный туземецъ даже можетъ сугубо усумниться въ возможности другаго порядка вещей, въ возможной при другихъ условіяхъ честности и отсутствіи лихоимства со стороны „правду творящихъ“...

Итакъ, на двухъ окраинахъ мы видимъ повторяющіяся одинаковыя прискорбныя явленія, вслѣдствіе одинаковыхъ причинъ. Такое положеніе дѣлъ возбуждаетъ рядъ вопросовъ о возможныхъ выходахъ.

Какъ бы въ подтвержденіе ненормальнаго положенія дѣлъ на окраинахъ, къ намъ доносится слѣдующаго рода курьезы:

Въ 1882 г., изъ Томскаго губернскаго суда, посланъ въ Каинскій окружный судъ для исполненія приговоръ надъ бывшимъ полицейскимъ чиновникомъ Ч., присуждавшій его за преступленія къ тюремному заключенію на три мѣсяца. Каинскій окружный судъ былъ въ возможности выполнить этотъ приговоръ, такъ какъ упомянутый

полицейскій чиновникъ занялъ мѣсто начальника по полицейской части въ губернскомъ городѣ. Въ Каинскѣ хорошо знаютъ, гдѣ упомянутый дѣятель почтенъ особымъ довѣріемъ, но это не мѣшаетъ разыскивать его бумажнымъ порядкомъ по Каинскому округу и потомъ отвѣтить, что обвиненный „неизвѣстно, гдѣ находится“.

Еще фактъ. Въ городѣ Б. Вост. Сибири, какой-то квартальный, по суду, оставленъ въ сильномъ подозрѣніи въ кражѣ со взломомъ и только потому въ „подозрѣніи“ (въ Россіи, пожалуй, теперь и не поймутъ этой, напоминающей лисій курятникъ, штуки — клада для нашихъ судей), что изъ 17 свидѣтелей его преступленія, 16 были лица, лишеныя правъ, а 17-й, какъ единица, не можетъ, по закону, быть принятъ во вниманіе. И вотъ этотъ-то квартальный въ г. Б. получаетъ мѣсто окружнаго стряпчаго, получаетъ чины и пенсію. А такъ какъ о настоящемъ званіи стряпчаго знаютъ все, даже арестанты, то понятно, что онъ долженъ имѣть свисхожденіе ко всемъ себѣ подобнымъ: по приказаніямъ горныхъ, рабочіе десятками, въ кандалахъ, высылаются въ г. Б. и держатся въ острогѣ, арестанты сидятъ по году безъ опросовъ. — Все бездѣйствуетъ. Жертвы приносятся одному бахусу.

Можно подумать иногда, что изъ Сибири идутъ телеграммы юмористическія. Что вы скажете, напримѣръ, о слѣдующей: „Усть-Каменогорскъ, 30-го марта. Во вчерашнемъ засѣданіи думы, при постановкѣ вопроса на рѣшеніе гласныхъ закрытою баллотировкой, голова пригрозилъ имъ судомъ, въ случаѣ если они не ассигнуютъ денегъ его пріятелю; несмотря на угрозу, гласные денегъ не ассигновали.

„Ай, ай, ай, какой стыдъ!“ какъ говорятъ нѣмцы.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

Изъ Оренбурга (корресп. „Вост. Обозр.“). Осень минувшаго 1882 года была далеко неблагоприятна для нашихъ кочевниковъ. Обширныя киргизскія степи оставались непокрытыми снѣгомъ, и такъ какъ при этомъ были морозы, доходившіе до 40 градусовъ по Реомюру, то отъ необычайныхъ холодовъ погибали люди и животныя. Вскорѣ присоединилось къ этому и другое бѣдствіе—появилась чума на рогатомъ скотѣ. Въ нѣкоторыхъ аулахъ не осталось ни одного быка и ни одной коровы. Хотя киргизы не брезгливы и употребляютъ въ пищу мясо палыхъ животныхъ, послѣдствія отъ этого бываютъ ужасныя. Среди киргизовъ развивается эпидемія тифа и черной оспы. Нужно знать, что при такомъ появленіи въ степи какой-нибудь эпидеміи: киргизы тотчасъ же бросаютъ свои зимовки и переселяются на новыя мѣста, а больные часто остаются безъ всякой помощи и даже некому ихъ покормить и напоить, такъ какъ никто не отваживается подойти къ больному изъ опасенія заразиться. Какой-нибудь волостной старшина доноситъ, что во ввѣренной ему волости въ одномъ изъ ауловъ появилась неизвѣстная болѣзнь, которая начинается въ человѣкѣ съ головы и по тѣлу жаромъ и ознобомъ, и проявляется нестерпимою жаждою такъ, что человѣкъ почти отъ жару и бреда теряетъ сознание и впадаетъ въ безпамятство. Пока получитъ донесеніе волостнаго старшины въ управленіи уѣзднаго начальника и пока явится медицинское пособіе, пройдетъ цѣлый мѣсяцъ и народу перемереть немало. По діагнозу медиковъ эту болѣзнь можно отнести къ воспалительной горячкѣ, переходящей въ брюшную тифъ. Благодаря отсутствію медицинской помощи, брюшной тифъ быстро распространяется изъ одного аула въ другой. Относительно падежа скота слѣдуетъ замѣтить, что бѣдствіе это усиливается вслѣдствіе того, что всякія мѣры предосторожности въ отношеніи палаго скота въ степяхъ совершенно игнорируются и не соблюдаются. Такъ, напримѣръ, недавно въ одной изъ казачьихъ станицъ былъ слѣ-

дующій случай. У двухъ казаковъ пало вдругъ до 20 сытыхъ коровъ; это привело ихъ въ такое смущеніе, что, не желая лишиться капитала, который изображалъ собою этотъ скотъ въ здоровомъ состояніи, они рѣшили отвезти мясо палыхъ животныхъ на рынокъ въ городъ съ тѣмъ, чтобы выгодно его продать по случаю приближавшагося праздника. Но прежде приведенія въ исполненіе своего намѣренія, они отправились къ пону, чтобы посоветоваться съ нимъ по своему дѣлу, и священнику стоило немало усилий и краснорѣчія, чтобы уговорить ихъ не продавать мясо палыхъ животныхъ.

Тобольскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Было бы непростительно оставить безъ всякаго вниманія проявленіе со стороны мѣстнаго городского общ. управленія заботы о городскомъ населеніи въ слѣдующемъ отношеніи. Извѣстно, что страховыя общества довели свои преміи при страховкѣ имѣній до размѣровъ, ужасающихъ страхователей; въ особенности же это тяжело отражается на домовладѣльцахъ-тоболянахъ, въ большинствѣ людяхъ съ ограниченными средствами, имѣнія коихъ почти не даютъ имъ ровно никакой пользы, доставляя лишь кровь для проживанія съ семьей. И вотъ, въ цѣляхъ помочь горожанамъ въ настоящемъ случаѣ, одинъ изъ преподавателей мѣстной духовной семинаріи надворный совѣтникъ Л о в я г и н ъ въ прошломъ году предложилъ думѣ свои услуги заняться составленіемъ проекта устава взаимнаго страхования недвижимыхъ имуществъ; предложеніе, разумѣется, было принято думой съ удовольствіемъ и она тогда же (кажется въ іюлѣ мѣсяцѣ) образовала съ этою цѣлію особую комиссію, подъ предѣтельствомъ г. Л о в я г и н а. Возложенный на комиссію трудъ по этому дѣлу, какъ намъ передавали, ею уже оконченъ и представляется въ городскую управу для передачи на разсмотрѣніе думы; но вотъ тутъ-то и запятая, да еще такая, какой не обрѣтешь и въ древней русской грамматикѣ „Греча“; къ прискорбію и стыду нашему, здѣшняя дума просто запросто сказала облѣнилась; гласники оной, изъ коихъ немало даже въ чинѣ статскихъ совѣтниковъ, или совѣтъ не посѣщаютъ собранія, или бываютъ чрезвычайно рѣдко и притомъ не столько съ пользою для дѣла, сколько съ намѣреніемъ провозвести пустой блескъ своимъ ораторствомъ, которое льется настолько же плавно и ровно, насколько ровна и плавна ѣзда по нашимъ городскимъ мостовымъ... Но будемъ надѣяться, что къ рѣшенію вопроса о введеніи въ городѣ взаимнаго страхования недвижимыхъ имуществъ наши думцы отнесутся съ полнымъ сочувствіемъ...

Съ юга Западной Сибири (корреспон. „Вост. Обозр.“). Отъ Зайсанскаго поста, этого ничего необѣщающаго въ будущемъ русскаго поселенія на границѣ съ Китаемъ, тянется на сѣверъ, къ г. Устькаменогорску зайсанскій почтовый трактъ. Трактъ этотъ пролегаетъ черезъ убійственно-пустынную мѣстность, лишенную всякой растительности, если, конечно, не считать за растительность степные чий, чингилъ и кое-какія сѣрья, чахлая степныя травки... Въ лѣтнее время ѣзда по зайсанскому тракту еще сносна, несмотря на невыносимую солонцеватую пыль, поднимающуюся изъ-подъ колесъ тарантаса и проникающую, какъ говорится, во всѣ поры человѣческаго тѣла: противный, горькосолёный вкусъ этой пыли долго ощущается на языкѣ; попадая въ глаза, она разъѣдаетъ ихъ до воспаленія; обоняніе надолго притупляется ею. Мы уже ни слова не говоримъ про тотъ палящій жаръ, который преслѣдуетъ путника отъ Зайсана вплоть до г. Кокпектово, — двадцати-пяти и тридцати-верстныхъ станцій даютъ себя чувствовать въ эту пору года. Ѣзда же по зайсанскому тракту въ зимнее время до крайности мучительна; то везутъ васъ по нему въ колесномъ экипажѣ, то садятъ въ зимнюю кибитку, такъ какъ дорога между нѣкоторыми станціями свѣжая,

а въ большинствѣ снѣгъ сдуло до-чиста, земля только чернѣется. Ничего нельзя представить хуже, какъ ѣзду въ лѣтнемъ экипажѣ по такой зимней дорожкѣ, особенно тамъ, гдѣ она кочковата и неровна; отъ толчковъ и встряхиваній экипажа у васъ буквально переворачиваются всѣ внутренности, производя спазмы желудка и изжогу... Страданія путника еще болѣе увеличиваются, если стоятъ морозы, доходящіе здѣсь, въ степи, иногда до 20 — 30°; ну, тогда путникъ окончательно прокликаетъ жизнь свою. Почтовые станціи, называемыя попросту „бекетами“, не представляютъ ровно никакихъ удобствъ: онѣ или холодны до невозможности, или же душны и угарны. Всѣхъ станцій отъ Зайсанскаго поста до г. Кокпектово считается десять. Двѣ первыя станціи отъ поста, построенныя зайсанскимъ приставомъ г. Тихоновымъ, хотя и представляютъ въ лѣтнее время нѣкоторыя удобства, но зимой въ нихъ скорѣе можно замерзнуть, чѣмъ на открытомъ воздухѣ; прочія станціи по этому тракту изъ рукъ вонъ плохи. Станція Нора (Эспе), на примѣръ, состоитъ изъ двухъ комнатъ; чтобы попасть въ комнату для проѣзжихъ, нужно пройти черезъ „ямщичью“, при входѣ въ которую обоняніе ваше поражается отвратительными миазматическими испареніями, съ сильнымъ присутствіемъ въ нихъ амміачнаго и сѣрнисто-водороднаго газовъ. Пробираясь ночью ощупью черезъ „ямщичью“, путникъ рискуетъ разбить себѣ носъ, загнувшись о сѣрые предметы, валяющіеся на полу—это ямщики, расположившіеся тутъ вздремнуть въ ожиданіи проѣзжающихъ. Комната для „проѣзжихъ“ не лучше, — тамъ за ситцевой занавѣской покоится семья станціоннаго писаря; воздухъ въ ней нисколько нечище, чѣмъ въ „ямщичьей“; полъ земляной, потолокъ изъ камыша, настланнаго на жерди, положенныя на два ската, температура не выше 4° R., насѣкомыя кишатъ всюду... Прочія станціи въ родѣ только что описанной. На каждой станціи вывѣшены таксы на „продукты“, но проѣзжій объявленныхъ „продуктовъ“ получить не можетъ, ибо таксы вывѣшены для формы и кромѣ самовара, всегда нечищеного, съ замѣчательно разнокалиберной сервировкой, на станціи вамъ ничего не подадутъ. Какъ бы въ насмѣшку надъ этой таксой, одинъ почтосодержатель, за нѣсколько дней до проѣзда степнаго генераль-губернатора, устроилъ для двухъ дамъ, ѣхавшихъ въ Зайсанскій постъ, такого рода угощеніе: по пріѣздѣ на одну изъ описываемыхъ станцій, проголодавшіяся дамы потребовали порцію мяса. Любезный почтосодержатель, долго не думая, посылаетъ въ киргизскую юрту за кускомъ конины, который и преподноситъ дамамъ. Угадавъ по запаху и цвѣту конское мясо, дамы отказались отъ такого, обязательно предложеннаго имъ, угощенія и должны были ограничиться чайкомъ съ солоноватой водичей. Къ чему же послѣ этого вывѣшивать таксы? Можетъ быть таксы эти вывѣшены для того, чтобы заманчивостью прописанныхъ въ нихъ „продуктовъ“ сытъ былъ человѣкъ? Похвальные порядки — и неубыточно, и сытно!..

Изъ Тюмени (корресп. „Вост. Обозр.“). Клубъ нашъ ознаменованъ рядомъ скандаловъ: Нѣкто В. большинствомъ голосовъ исключенъ изъ клуба навсегда. При подписи протокола объ исключеніи В. и о прочемъ, одинъ изъ пріѣзжихъ, утвержденный членомъ этимъ же собраніемъ, учинилъ надпись на протоколѣ приблизительно такую: „собраніе считаю незаконнымъ по нарушенію § 9 нормальнаго устава“. (Собраніе руководствовалось нормальнымъ уставомъ, такъ какъ свой потерялъ). За такое вольнодумство членъ З., пробывъ членомъ болѣе двухъ мѣсяцовъ, исключенъ не общимъ собраніемъ, какъ того требуетъ уставъ, а самимъ совѣтомъ старшинъ. З. постановленіе совѣта обжаловалъ общему собранію, но жалоба его оставлена безъ вниманія. Неудовольствовавшись этимъ, З. привнесъ жалобу губернатору, который послѣ многихъ напоминаній отъ З. наконецъ, спустя два мѣсяца,

предложилъ совѣту отмѣнить постановленія относительно Б. и З., но общее собраніе признало предложеніе губернатора некомпетентнымъ, а потому оставило его безъ послѣдствій. Постановленіе это Б. и З. довели до свѣдѣнія того же губернатора, который, въ пріѣздъ свой по дѣлу сему въ Тюмень, поставилъ дѣло такъ, чтобы козы были цѣлы и волки сыты. Итакъ, дѣла клуба, какъ мы слышали, перейдутъ въ высшія административныя инстанціи и пожалуй дойдутъ до сената. На-дняхъ, у насъ открыто убійство, совершенное мужемъ надъ женою. По этому дѣлу арестованы и соучастники. Мы весьма сожалѣемъ, что нѣтъ у насъ гласнаго суда, такъ какъ дѣло, по слухамъ, могло быть очень интереснымъ. Не въ далекомъ будущемъ ожидается у насъ крахъ торговаго дома бр. Т. Говорятъ, что домъ этотъ пострадаетъ за свое рутинное управленіе по дѣламъ своимъ. Правда, было много несчастій, но несчастія эти то же произошли отъ рутины. Но вотъ прискорбный фактъ, который, какъ говорятъ, можетъ случиться. Домъ этотъ, желая установить насколько нибудь дѣла свои, входитъ въ сдѣлку съ нѣкимъ К., который выкупаетъ заложенное и запроданное имущество торговаго дома, и по примѣру прежнихъ своихъ „коммерческихъ штукъ“ вѣроятно, выкинетъ и тутъ такую же „штучку“, т.-е. присвоитъ все себѣ и пуститъ по міру не только торговый домъ, но и сотню кредиторовъ, ничѣмъ необезпеченныхъ. Жаль, весьма жаль, если бр. Т. дадутся въ обманъ такому извѣстному по цѣлой Сибири франту.

Городъ нашъ находится въ весьма возбужденномъ состояніи отъ слуха, распространеннаго телеграммою изъ Питера по поводу постройки екатеринбургско-тюменской желѣзной дороги. Телеграмма эта извѣстила, что постройка дороги начнется съ мая сего года; между тѣмъ пока изъ инженеровъ и подрядчиковъ никто еще не появился. Такого рода извѣстія, со дня обнародованія, оказались весьма убыточными, въ особенности для бѣдняковъ, такъ какъ припасы моментально вздорожали, какъ и квартиры. Но если на самомъ дѣлѣ осуществится дорога, то мы по крайней мѣрѣ не будемъ терпѣть ту язву монополіи, которая охватила не одну питейную торговлю, разрушить которую является почти невѣроятнымъ, но вообще торговлю, начиная отъ насущнаго и кончая роскошью. Тогда появятся къ намъ новыя торговыя фирмы и создадутъ конкуренцію.

Иркутскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Денежные отчеты управы за нѣсколько лѣтъ остаются необревизованными, а отчетовъ о дѣйствіяхъ своихъ она и вовсе не представляетъ. Былъ, впрочемъ, представленъ одинъ огромный отчетъ о дѣйствіяхъ управы—чуть ли не за 1879 г.; для разсмотрѣнія его дума выбрала особую комиссію. Но оказалось, что этотъ отчетъ—не что иное, какъ выписка изъ бухгалтерскихъ книгъ, только расположенная въ другой формѣ; комиссія почитала, почитала его,—да и бросила. Чуть ли даже и самый отчетъ не потерявъ. Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ управы господствуетъ полная безконтрольность. А поревизовать было бы что.

Одною изъ причинъ такого положенія дѣлъ нельзя не считать полное равнодушіе большинства гласныхъ къ своимъ обязанностямъ: засѣданія законнаго числа гласныхъ почти никогда не составляются; отъ этого почти каждое засѣданіе откладывается на недѣлю, и затѣмъ дѣла рѣшаются собраніемъ гласныхъ—обыкновенно весьма малочисленнымъ; да и тутъ многіе гласные только о томъ и думаютъ, какъ бы скорѣе кончилось засѣданіе, или какъ бы улизнуть изъ него прежде окончанія. Отъ участія въ комиссіяхъ, назначаемыхъ думой по разнымъ случаямъ, гласные почти постоянно отказываются, хотя въ думской инструкціи и стоитъ правило, что отъ думскихъ комиссій гласные отказываться не могутъ. Все это было причиною, что за думой накопилось до 200 дѣлъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько экстренныхъ; а между тѣмъ дума только въ декабрѣ

прошедшаго года кончила разсмотрѣніе росписи на тотъ годъ (во-время!), а теперь, черезъ часъ по ложкѣ, разсматриваетъ роспись за нынѣшній годъ. Когда же при такихъ порядкахъ она займется разсмотрѣніемъ дѣлъ?

Администрація по дѣламъ бр. Бутиныхъ наконецъ состоялась. Администраторами выбраны управляющій отдѣленіемъ сибирскаго банка, г. Миленевскій, виноторговецъ г. Зазубринъ и занимающійся разными комиссіями по золотопромышленнымъ и другимъ дѣламъ г. Стрекаловскій. Притязанія г. Бутина на прямое участіе въ дѣйствіяхъ администраціи и на право налагать veto на рѣшенія администраторовъ отклонены; исправленный имъ актъ снова передѣланъ; но г. Бутину все-таки предоставлено значительное участіе въ веденіи дѣлъ. Администрація ищетъ теперь денегъ на продолженіе операцій.

Иркутская городская дума только въ половинѣ февраля кончила разсмотрѣніе городской росписи на 1883 г., и кончила съ крупнымъ дефицитомъ въ 70 т. р. Въ счетъ этого дефицита дума положила занять 40 т. р. изъ запаснаго капитала, а отыскать остальные 30 т. р. поручила управѣ. Любопытно, какъ-то справятся съ этой задачей иркутскіе финансисты. Дефицитъ вызванъ необходимою возобновить разрушенныя пожаромъ зданія. Всѣхъ построекъ исчислено было управой на 350 т. р., но большая часть ихъ отложена думой по недостатку средствъ. Несмотря на такое затруднительное денежное положеніе, дума разрѣшила, на примѣръ, такіе расходы, какъ 1000 слишкомъ рублей на покупку знаковъ для членовъ управы, разрѣшила единственно потому, что эти деньги уже израсходованы управой самовольно.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ КРЕСТЬЯНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Рядъ административныхъ мѣръ и преобразованій въ Сибири, въ томъ числѣ нѣкоторыя измѣненія въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и созданіе особой инстанціи надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, вызвали нѣкоторыя сужденія и замѣчанія въ столичной печати.

„Губерніи, лишенныя земства, не могли восприять выборнаго начала, а потому для Сибири избрано нѣчто среднее, что напоминаетъ, съ одной стороны, бывшее управленіе государственныхъ имуществъ, съ другой подобіе мировыхъ посредниковъ, говоритъ одна изъ газетъ, „Эхо“.

Если примемъ во вниманіе, что окружныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія составляются при участіи исправника, то будетъ вполнѣ понятно, что западно-сибирское управленіе крестьянскимъ дѣломъ ближе подходитъ къ вновь преобразованнымъ крестьянскимъ управленіямъ въ русскихъ губерніяхъ и менѣе всего къ тѣмъ временамъ крестьянскаго управленія, когда оно было поставлено совершенно самостоятельно отъ мѣстной администраціи, т.-е. къ періоду первыхъ мировыхъ посредниковъ. Не лишне также указать, что крестьянское управленіе въ Западной Сибири, по всей вѣроятности, будетъ страдать излишествомъ инстанцій. Судите сами: сельскій сходъ и староста, волостной сходъ, судъ и старшина, чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, окружныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и, наконецъ, губернскіе совѣты, куда назначаются особые непремѣнные члены для разрѣшенія и разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до сельскаго состоянія. Не говоримъ уже о высшихъ центральныхъ инстанціяхъ.

Въ настоящую минуту можно предугадать, насколько успѣшно будутъ дѣйствовать новыя крестьянскія учрежденія, и полагаемъ, что ихъ дѣятельность во всякомъ случаѣ будетъ успѣшнѣе и законнѣе прежняго завѣдыванія крестьянствомъ со стороны полицейской власти, о безопасности которой такъ часто сообщалось въ газетахъ; но и теперь можно указать, что едва ли это управленіе будетъ обладать настолько самостоятельностью, чтобы поставить крестьянское дѣло на ту ногу, на которую оно было поставлено въ первые годы освобожденія. Служебныя преимущества чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ весьма незначительны, чтобы можно было ожидать на эти должности „новыхъ людей“ и, по всей вѣроятности, онѣ замѣстятся тѣми же сибиряками-чиновниками, слава о которыхъ уже давно извѣстна обществу“.

Такимъ образомъ, газета видитъ спасеніе новаго института въ замѣнѣ „сибиряковъ-чиновниковъ“ элементомъ чиновниковъ пріѣзжихъ.

Такъ какъ особые чиновники предполагаются по назначенію отъ министерства, то очень легко можетъ быть, что въ этомъ отношеніи ожиданія газеты осуществятся. Но должно предупредить, что надежда на пріѣзжихъ „новыхъ людей“ не всегда осуществлялась въ Сибири. Не надо забывать, что въ числѣ этихъ пріѣзжихъ является элементъ случайный; „новые люди“ являются въ Сибирь безъ знанія мѣстныхъ условій, а задаются они огромными претензіями и смотрятъ на мѣстную среду и сибиряковъ съ высокомеріемъ. Ихъ стремленіемъ является миссія „цивилизовать“ Сибирь, но сами они весьма слабо подготовлены къ этой роли. Напротивъ, это часто баричи съ крѣпостными привычками, люди внѣшняго лоска, но не истиннаго образованія; изъ этихъ цивилизаторовъ выходили карьеристы и ташкентцы, которые насолити Сибири не менѣе „сибиряковъ-чиновниковъ“, какъ выражается газета. Такіе элементы въ крестьянскихъ учрежденіяхъ будутъ даже хуже чиновниковъ-сибиряковъ. Кстати замѣтить, что и изъ „сибиряковъ-чиновниковъ“, разумѣя ихъ по происхожденію, выдавались честные люди, но они всегда являлись забитыми, оттѣсненными „цивилизаторами“, которые страннымъ образомъ сливались съ самыми дурными слоями мѣстныхъ взяточниковъ.

Въ дѣлѣ крестьянскихъ учреждений прежде всего, конечно, необходимы будутъ люди честные и доброжелательные крестьянству. Не лишнимъ будетъ здѣсь опытность и знаніе мѣстныхъ условій жизни; въ этомъ случаѣ желательно, чтобы мѣсто было оставлено и лучшимъ мѣстнымъ элементамъ.

Необходимо кромѣ того, чтобы судьба института держалась не на одномъ случайномъ подборѣ лицъ, но самый институтъ въ направленіи своей дѣятельности независимо отъ лицъ былъ бы своею гарантіею. Это достижимо тогда, если особые крестьянскіе чиновники станутъ выше земской полиціи по своимъ задачамъ и будутъ на стражѣ крестьянскихъ интересовъ отъ ихъ нарушенія.

Строй сибирской крестьянской жизни требуетъ особаго пониманія. Вотъ нѣсколько здравыхъ и дѣльныхъ мыслей, которыя высказываетъ авторъ одной статьи по поводу тѣхъ же крестьянскихъ учреждений (см. „Новое Время“ № 2542).

„Сибирь, по преимуществу, крестьянскій край, притомъ такой, гдѣ патриархальная община дѣйствуетъ съ полною силою не только въ поземельномъ отношеніи, но и въ смыслѣ

общественнаго союза. На этомъ основаніи въ Сибири, даже въ Западной, характеръ крестьянскихъ учреждений не можетъ не быть отличнымъ отъ такихъ же учреждений въ коренной Россіи. Этотъ характеръ долженъ бы заключаться въ возможно большей свободѣ тамошнихъ крестьянъ отъ чрезмѣрной фактической опеки, въ большемъ предоставленіи ихъ самимъ себѣ, тогда какъ въ коренной Россіи на практикѣ это не всегда возможно, въ виду ослабленія внутренней силы въ тамошней сельской общинѣ (кромѣ сѣвера), въ виду размноженія деревенскихъ кулаковъ и права отчуждать частями постороннимъ лицамъ пай мірской земли. Тамъ прежніе мировые посредники принесли бы еще и теперь большую пользу, что не всегда можно сказать о непремѣнныхъ членахъ уѣздныхъ присутствій. Подъ вліяніемъ подобной мысли заявлялось въ печати и о благотворности для крестьянства особыхъ заступниковъ и ходатаевъ изъ земледѣльцевъ, по выбору самихъ крестьянъ. Въ Сибири, къ счастью, ничего этого нѣтъ, а если гдѣ и есть, то пока еще въ слабой сравнительно степени. Потому - то желательно тамъ поменьше второстепенныхъ начальствъ на мѣстахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—желательно что-нибудь въ родѣ сильной мѣстной власти, на случай неудовлетворительнаго отношенія къ крестьянскимъ нуждамъ со стороны мелкихъ властей».

„Говорятъ, продолжаетъ газета, что уничтоженіе генералъ-губернаторства оставило въ Сибири слишкомъ большой пробѣлъ; выражалось опасеніе, какъ бы произволъ второстепенныхъ лицъ теперь еще не усилился; ибо до Петербурга далеко, а мѣстная губернская власть слишкомъ близка къ мѣстнымъ страстямъ и интересамъ. Генералъ-губернатора будто бы больше побаивались второстепенные мѣстные чины, чѣмъ высшей петербургской власти».

„Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы для огражденія крестьянъ нужно было возстановлять инстанцію, которая признана излишнею правительствомъ и обществомъ. Но—въ видѣ пополненія упомянутого пробѣла нехудо было бы ввести теперь же выборный элементъ во вновь учреждаемыя должности. Тогда заинтересованные классы сибирскаго общества имѣли бы нѣкоторую замѣну выгодныхъ сторонъ генералъ-губернаторской власти. Послѣдняя (помимо особыхъ политическихъ причинъ) существуетъ обыкновенно въ краѣ еще граждански незрѣломъ, недостигшемъ нормальнаго порядка управленія, неимѣющемъ самоуправленія. Какъ скоро генералъ-губернаторская инстанція упразднена, значитъ тѣмъ самымъ край признанъ полноправнымъ, обыватели его способны управлять сами собой въ законныхъ предѣлахъ. Но земства въ Сибири еще нѣтъ. Почему же бы не допустить, хотя въ видѣ опыта, въ новыхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ участіе выборныхъ членовъ отъ самихъ крестьянъ? Тогда контроль, который при генералъ-губернаторѣ существовалъ (или предполагался) сверху, могъ бы хотя частію явиться снизу“.

Нельзя не сочувствовать этому вѣрному взгляду, ставящему принципъ выборной власти и самоуправленія, какъ лучшую гарантію взаимнѣ принципа старой опеки надъ крестьянствомъ и обществомъ, который стремится удержать сибирская власть. Мы съ своей стороны поддерживали не разъ ту же мысль, что живыя силы общества и его самодѣятельность дадутъ гораздо болѣе гарантій для населенія. Сибирь пережила вре-

мя, когда, въ виду малонаселенности края и его дикости, все возлагалось на личную инициативу начальника или на какое нибудь бюрократическое учрежденіе. Сибирская реформа, при пробуждающихся общественныхъ силахъ и правоспособности мѣстнаго населенія, должна искать другую точку опоры.

РОКОВАЯ ВСТРѢЧА.

(ОЧЕРКЪ).

По трактовой дорогѣ, пролегающей къ городу А—ку, медленно тащилась телѣга, заложная рыжею лошадыю, едва передвигавшею ноги въ глубокой пыли пересохшаго отъ жаровъ грунта. Жалкая веревочная сбруя на лошади и ветхая телѣга съ дырявымъ холщевымъ наметомъ, лучше всякихъ разсказовъ пояснили-бы встрѣчному путнику, что владѣлецъ лошади, телѣги и жиденъскаго скарба, хранившася въ ней, принадлежалъ къ числу того большинства людей, которыхъ судьба при появленіи ихъ на свѣтъ Божій надѣляетъ вмѣсто матеріальныхъ благъ однимъ только назидательнымъ совѣтомъ: „страдай, терпи, и не надѣйся на лучшее!“

Кому доводилось ѣздить по Сибири, тотъ вѣроятно не разъ встрѣчалъ такихъ одинокихъ путниковъ; но чаще всего подобные путники попадаютъ группами... иногда даже въ сто и болѣе семей. Длинными вереницами тянутся лошади съ понуренными головами, измученныя долгимъ путемъ и безкормицей, тихо везутъ онѣ телѣги со стертными ободьями на колесахъ, покрытыя сверху холстомъ въ родѣ палатки или кузова на кибиткѣ. Иногда этотъ холстъ бываетъ просмоленъ, порой накрытъ сверху слоемъ береста, дающаго кое-какую защиту отъ дождя и непогодъ дѣтямъ и больнымъ женщинамъ, лежащимъ подъ этимъ покровомъ. Вглядѣвшись въ костюмы и въ загорѣлыя исхудавшія лица путниковъ, мужчинъ, женщинъ съ грудными дѣтьми на рукахъ и дѣтей, шагающихъ около этихъ лошадей и повозокъ, невольно задумаешься о печальной судьбѣ ихъ; даже въ черствомъ, загрубѣвшемъ въ эгонистическихъ инстинктахъ, сердцѣ проснется жалость при видѣ жалкихъ лохмотьевъ, едва прикрывающихъ наготу этихъ путниковъ, при видѣ этихъ изможденныхъ лицъ, отупѣвшихъ отъ хроническаго голода и страданія. Эти путники „переселенцы“ или „новоселы“, какъ зовутъ ихъ въ Сибири, идущіе изъ Россіи искать въ Сибири счастья, какимъ обдѣлила ихъ судьба вмѣстѣ съ добрыми людьми на родинѣ. Хорошо, если послѣ долгаго пути, добравшись до мѣста, они безпрепятственно усядутся на землю! Тогда по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при упорномъ трудѣ, при обилии земли и плодородіи ея, они достигнутъ сытой, обеспеченной въ главныхъ потребностяхъ жизни. Но не всегда это бываетъ такъ. Въ большинствѣ случаевъ несчастнаго переселенца вмѣсто того, чтобы, радуясь прибытію его, какъ производительной силы, поскорѣе усадить на пустующую вѣками землю, благодаря существующимъ формальностямъ и лихоимству, начинаютъ гонять съ мѣста на мѣсто, нигдѣ не давая ему просимаго имъ пріюта и чаще всего, придя на чужбину за счастьемъ, переселенецъ встрѣчаетъ еще болѣе лютое горе и потерявъ семью, вымершую отъ нищеты, болѣзней и непосильнаго труда во время пути, превращается или въ бездомнаго батрака у какого нибудь кулака-крестьянина, или снова

возвращается въ Россію, но уже измученнымъ, неспособнымъ къ труду калѣкой...

Къ числу ищущихъ счастья на чужбинѣ переселенцевъ принадлежала и та семья, которая шла теперь около рыжей лошади съ понуренной головой, съ трудомъ тащившей телѣгу, накрытую холщевымъ наметомъ. Около лошади съ батажомъ въ рукѣ шелъ мужичокъ съ загорѣлымъ, запылившимся лицомъ, одѣтый въ синюю пестрядиную рубаху; сзади его учащенно шагала пожилая женщина съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. На телѣгѣ изъ-подъ холщеваго намета виднѣлось ветхое лицо старухи, мѣрно покачивавшееся изъ стороны въ сторону, когда стертые ободья колесъ, углубляясь въ мягкій, пыльный грунтъ дороги, нарушали равновѣсіе телѣги. За повозкой шелъ мальчикъ лѣтъ десяти, босой, съ разстегнутымъ воротомъ у рубахи и дѣвочка лѣтъ восьми, роскошные льняные волосы которой падали густыми вьющимися прядями на ея худенькія плечи и грудь. День клонился къ вечеру и въ воздухѣ, раскаленномъ іюньскою жарою, слегка уже вѣяло вечернею прохладой; вздымаемая лошадыю дорожная пыль начинала золотиться отъ косвенныхъ лучей солнца, а даль подергивалась тою мягкою, прозрачною синевой, что какъ дымка окутываетъ землю послѣ тихаго, зноянаго дня. Обширная луговина, тянувшаяся по обѣимъ сторонамъ дороги, мѣстами была усыяна мелкимъ перелѣскомъ, но едва телѣга и путники, сопровождавшіе ее, завернули за выдавшійся у дороги холмъ, какъ перелѣсокъ сталъ все ближе и ближе сдвигаться къ дорогѣ и наконецъ слился въ густой березовый лѣсъ, сплошною стѣною окаймившій дорогу. Въ воздухѣ внезапно повѣяло свѣжестью и солнечные лучи, прорѣзываясь сквозь густую листву березъ, падали колеблющимися пятнами свѣта на пыльную дорогу.

Едва путники поровнялись съ лѣсомъ, какъ на встрѣчу имъ изъ-за излучины дороги показалась фигура, привлекавшая къ себѣ ихъ вниманіе; это былъ человекъ лѣтъ сорока на видъ, высокаго роста и могучаго сложенія. Черная всклокоченная борода его космами падала на полуобнаженную грудь. Загорѣлое лицо, взрытое морщинами, носило слѣды утомленія и тревоги. Быстро оглядѣвъ большими черными глазами окрестность, прохожій остановился у дороги, поджидая приближенія къ себѣ путниковъ и, прищурившись, зорко оглядывалъ тщедушныя фигуры ихъ и не менѣе тщедушный скарбъ ихъ, наваленный на телѣгу. Болѣе опытные люди невольно отстранились-бы отъ подобной фигуры, какія къ сожалѣнію очень часто встрѣчаются на пустынныхъ сибирскихъ дорогахъ въ лѣтнюю пору, но простодушный новосѣлъ всегда далекъ подобнаго опыта. Большинство ихъ, пропитываясь во время пути Христовымъ именемъ, привыкли встрѣчать отъ туземцевъ насмѣшку надъ собой и худо-скрываемое презрѣніе, невольно чувствуетъ свою приниженность и сиротливую отчужденность отъ всѣхъ, а въ подобномъ положеніи всякій человекъ искренно радъ каждому доброму слову и привѣту легко подкупающему довѣріе.

— Путемъ-дорожкой!.. улыбнувшись произнесъ прохожій, когда телѣга поровнялась съ нимъ, слегка приподнявъ на головѣ прорванную баранью шапку.

— Здоровы будьте за ласку!.. отвѣтилъ ему мужичокъ, остановивъ лошадь и подходя къ нему.

— Никакъ новосѣлъ?..

— Новосель, батюшка... новосёлы будемъ... торопливо отвѣтилъ мужичокъ, кланаясь ему?

— Откелева?..

— Рязанскіе... Рязанской губерніи будемъ, батюшка... издалеча...

— Рязанскіе?... повторилъ прохожій, снова пытливо осмотрѣвъ всю группу путниковъ, окружавшихъ его. Въ это время, пользуясь минутной остановкой, женщина, шедшая съ ребенкомъ, присѣла на край дороги и вынувъ свою исхудавшую черную грудь, приложила къ ней ребенка.

— Слыхали... што есть экая губернія, снова произнесъ прохожій. А далече путь-то держишь?... спросилъ онъ.

— До А—ой округи... Ширококовская волость тамъ есть...

— О-о!.. знаю... бывалъ... чего-жъ въ самое село Широково ѣдешь?... аль въ ино куды мѣсто? любопытствовалъ онъ.

— Въ село... въ самое село норовимъ...

— Знаю... какъ не знать Широковского села... Не худое ты мѣсто выбралъ?... Село первѣющее по тѣмъ мѣстамъ и мужики народъ, што ни есть исправный... Какъ не знать этого села, снова повторилъ прохожій... живалъ въ немъ и мужиковъ-то, што ни есть наперечетъ знаю... Исправные мужики!.. ты чего-же, самъ выбралъ это мѣсто, аль по наукѣ чьей?..

— Сродственникъ тамъ есть у насъ... ближній намъ будетъ... ужъ годовъ пять время, какъ переселился туда изъ нашихъ-то мѣсть, пояснилъ мужичокъ...

— А-а... кто-жъ это?... какъ прозвище-то?..

— Микита Саватычъ зовутъ его... прозвища-то вотъ чей бишь онъ пишется, люби его Богъ! произнесъ мужичокъ, почесавъ въ затылкѣ... „Наталя!“ крикнулъ онъ женщицѣ, кормившей ребенка. Какъ ужъ пишется?... Микита-то Саватычъ?... не въ памяти-ли?..

— Да... чего... никакъ Чулковъ будетъ? отозвалась та...

— Ну... ну... вотъ, вотъ Чулковъ и есть... такъ и есть Чулковъ, Чулковъ... эка память-то говорю! произнесъ онъ всплеснувъ руками по бедрамъ. И знаю, што обувь какая-то, не то сапогъ, не то што, а въ умъ-то не впадетъ, што Чулковъ.

— Микита Чулковъ говоришь? прервалъ его прохожій, какъ будто что-то припоминая...

— Ну... ну... Чулковъ Микита Саватычъ...

— Стой, парень, такъ вѣдь я его знаю, снова прервалъ его прохожій...

— О-о-о... Микиту Саватыча? удивленно спросилъ мужичокъ.

— Знаю!..

— А-а-а... радостно протянулъ онъ. Натаха, слышь! крикнулъ онъ женщицѣ кормившей ребенка. „Пштенный-то говоритъ, што Микиту Саватыча знаетъ... жены-то вѣдь наши сестры будутъ... родныя сестры... пояснилъ онъ прохожему. Мамынька!.. снова крикнулъ онъ, обратившись къ телѣгѣ... слышь аль нѣтъ? пштенный-то, дай ему Богъ здоровья, Микиту Саватыча знать...“

Изъ повозки выглянуло дряхлое, морщинистое лицо старухи и безкровныя впаляя губы ея зашевелились, не издавая звука.

— А-ахъ ты свѣтъ, а?... поговорить-то вотъ неколи, съ сожалѣніемъ произнесъ мужичокъ, почесывая животъ...

— Торописья нѣшто?... спросилъ прохожій.

— Ужъ такъ полагаю, што до деревни-то не дойдешь теперь; вишь солнце-то сколь низенько спустилось, ужъ въ полѣ доведется заночевать и конь-то притомился, да и сам-то будто... только вишь вотъ, привалить-то бы къ водицѣ гдѣ надоть... впереди уже поискать... штоли?..

— Къ водѣ?... переспросилъ прохожій, такъ вотъ ключъ бѣжить въ лѣску-то; сичасъ изъ него пиль—сту-уденый такой.

— А-а... здѣсь?... въ лѣсу?..

— Вотъ за перелѣскомъ на лужайкѣ... и полсотни шаговъ поди иѣтъ до него...

— Слышь, Натаха, мы о водѣ скучамъ, а прохожій-то говоритъ, ключъ-то близенько отъ насъ бѣжить... привалить, штоль? спросилъ онъ и, не ожидая отвѣта, крикнулъ сыну: „Мишутка, подь-ко ужъ, сбѣгай, огляди!“ — Ахъ вы, болѣзненный человекъ! вотъ, говорю, стреха-то Микиту Саватыча знаете, снова заговорилъ мужичокъ, обратившись къ прохожему по уходѣ Мишутки въ лѣсъ. Какъ-же, милый, вѣдь мы ближніе свойственники... вѣдь жены-то наши родныя сестры!.. Вы—кто-же сами-то будете?... не въ обиду спросить васъ, крестьянинъ.

— Нѣтъ, мы вольные; коновалъ ремесломъ-то, не безъ прони отвѣтилъ прохожій...

— А-а... эвошь вы кто... куды-жъ путь-то держите?..

— Неподалечку отселева... въ деревню. Мужичокъ ономнясь скучаль, такъ иду, лошадокъ его провѣдать!.. снова съ неувимой ироніей въ голосѣ отвѣтилъ прихожій.

— Коли не къ спѣху вашей милости, передохните съ нами... не поскучайте... поужинали-бы чего ни на есть, радушно пригласилъ мужичокъ, подстрекаемый любопытствомъ почерпнуть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о житѣ своего родственника.

— Мо-о-ожно... што-жъ... намъ время терпѣть, согласился прохожій, — такъ ты вороти лошадь-то, я те доведу до ручья-то... произнесъ онъ и пристально оглядѣвшись по сторонамъ, повернулъ съ дороги въ лѣсъ. Мужичокъ осторожно своротилъ телѣгу съ дороги и, слѣдуя за нимъ, повелъ лошадь подъ уздцы по неровной, кочковатой почвѣ въ лѣсу. Проѣхавъ лѣсомъ не болѣе двадцати сажень, они выбрались на довольно обширную лужайку и тутъ увидѣли Мишутку, который, припавъ брюхомъ на землю, жадно пилъ воду изъ ключа, протекавшаго извилинами около опушки лѣса.

Пока мужичокъ отпрягалъ лошадь и, напоивъ ее изъ ключа, стреножилъ и пустилъ пасть на лужайку, жена его уложила ребенка въ кучу тряпья, наваленнаго подъ наметомъ телѣги, вынула мѣшокъ съ хлѣбомъ и, вымывъ въ ключѣ небольшой чугунный котелокъ, всыпала въ него нѣсколько горстей овсяной крупы. Между тѣмъ Мишутка и сестра его возвратились изъ лѣса, набравъ тамъ сухаго хворосту и мужичокъ, убравшись съ лошадь, торопливо разводилъ теперь костеръ и, оставивъ невысокій желѣзный треножникъ, привѣсилъ къ нему котелокъ. Прохожій молча лежалъ все это время на травѣ, медленно потягивая дымъ изъ коротенькой трубки и зорко наблюдая изъ-подлобья за всѣми движеніями своихъ новыхъ знакомцевъ.

— Вы какъ-же это, при какихъ случаяхъ, спрошу васъ, съ

Микитой-то Саватычемъ обзнакомились?.. спросилъ мужичокъ, присаживаясь къ нему на землю около ярко запылавшаго костра. Какъ поживаютъ-то они, бѣдно чать?..“

— Бѣдно... съ насмѣшкой и какъ-бы нехотя повторилъ прохожій, — ты его теперь и рукой не достанешь... тряхнувъ головой, добавилъ онъ.

— Што-о-о ты!.. удивленно протанулъ мужичокъ.

— Я те говорю... домъ-то онъ выклатъ въ пять стѣнъ. Въ амбары-то заглянешь, глаза разбѣгутся... не знаешь чего и ушарить ими, съ ироніей отвѣтилъ прохожій, искоса наблюдая какое впечатлѣніе производятъ на собесѣдника слова его... однихъ лошадей поди съ десятокъ держать...

— Што-о-о ты!.. разводя руками и даже привскочивъ на мѣстѣ отъ удивленія, протанулъ мужичекъ. Да въ кою-жъ это пору онъ успѣлъ?..

— Успѣлъ!.. Вотъ и ты коли доѣдешь, такъ поучись у него успѣвать-то!

— Натаха!.. послушай-ка, чего поштенный-то баеетъ про Микиту... богатый, говорить, стра-а-астъ какой сталъ, добра-то говорить глазами не ушаришь... Мамынька!.. слышь Микита-то какъ живетъ!.. крикнулъ онъ по направлевію къ телѣгѣ, приподнятая оглобли которой съ навѣшенной на нихъ сбруей лежали на дугѣ, поставленной стоймя...

— Спи-и-ить, не замай ее, остановила его жена, разбалтывая ложкой закипавшую въ котлѣ кашу.

— Укачало знать? ну, да стара, ужъ восьмой десятокъ повалили... оговорился мужичокъ... А-ахъ ты Микита Саватычъ, а?.. Ну, слава тѣ Господи, што оправилъ его Господь... произнесъ онъ крестясь, и въ голосѣ его зазвучала безконечно благодушная нота; то-то онъ и звалъ насъ... пріѣзжай, говорить, Павло Сигнѣвичъ!.. бросай, говорить, ты эту самую Расею!.. што, говорить, въ ней... на постыломъ-то пусто-плесѣ биться... не пужайся што въ Сибирь ѣдешь... Сибирь-то, говорить, тамъ у васъ въ Расеи, а не здѣсь... да и какъ тутъ худо жить станешь... гляди сколь земли-то, угодьевъ-то?.. были-бы только руки... да силы-бы Богъ далъ... А вѣдь какъ онъ бѣдовалъ, скажу тебѣ... въ Расеи-то, страа-астъ...

— Вздохнулъ теперь, прервалъ его прохожій.

— Слава тебѣ Господи, што оправилъ, снова крестясь произнесъ мужичокъ, „до пчелокъ онъ прежь охочъ былъ... обзавелся-ли здѣсь-то?..“

— Пятсотъ колодокъ держать!..

— Што-о-о ты... съ изумленіемъ отшатнувшись отъ него протанулъ мужичокъ. „Натаха, слышь... Микита-то Саватычъ пятсотъ колодокъ однихъ пчелъ держать, а?.. ишь какъ, говорю, участвовалъ Господь-то, а?.. Ну то-то онъ и звалъ насъ: покидай, говорить, все и пріѣзжай къ намъ... потому здѣсь, говорить, жизнь-то и есть, а не тамо у васъ... раздобрѣла поди Прасковья-то Игнатовна отъ экой-то жисти, а?.. снова спросилъ онъ послѣ минутнаго раздумья...

— Это жена-то его штоль?.. спросилъ прохожій.

— Ну... ну... жена-то... свояченка-то наша...

— Въ берема-то не обхватишь теперь... развѣ-исшо... по аршину на кулаки-то надкинешь!.. сплюнувъ на сторону и выколачивая трубку о носокъ прорваннаго сапога, отвѣтилъ прохожій...

— О-о... Слышь Натаха, чего про Прасковью-то баеетъ, и въ берема-то, говорить, не обхватишь нонѣ... а вѣдь какая худящая была, словно слышь развилина, пояснилъ онъ.

— Робять-то по два на годъ носить, теперь.

— Што-о-о ты... ай... ай... ай... Ну, да што-жъ съ хошой-то жизни... пошто и не плодить ихъ, съ раздумьемъ въ голосѣ произнесъ онъ. А-ахъ ты Микита Саватычъ... а?.. Ну, слава те Господи... што оправилъ, вздохнувъ, произнесъ онъ... и задумался...

Въ это время ключемъ закипавшая каша стала литься изъ котла. Быстро надергавъ въ руки свѣжей, уже влажной отъ росы травы, Наталья обхватила ею ручку котла и сняла его съ треножника. Разостлавъ по землѣ дырявую синюю скатертку, она снова нарвала травы... и положивъ ее посрединѣ скатерти поставила на нее котелокъ. Затѣмъ достала изъ телѣги четыре деревянныхъ ложки съ сильно облепанными краями, маленькій туясокъ съ солью и, вынувъ изъ мѣшка ломти хлѣба, какъ видно собраннаго въ подаеніе во время прохода по деревнямъ, привѣтливо произнесла: милости просимъ, садитесь-ка къ горяченькому...

Всѣ встали... и помолившись на востокъ усѣлись около скатерти... и только дружное чавканье... да причмокиваніе жидкой каши съ ложекъ доказывало о томъ аппетитѣ, съ какимъ ужинали утомленные дорогою путники.

(Продолженіе будетъ).

Н. Наумовъ.

ПОДВИЖНИКИ И БЛАГОТВОРИТЕЛИ НА ОБРАИНАХЪ.

(Изъ переписки редакціи).

Въ прошломъ году у насъ помѣщена была статья извѣстнаго путешественника и члена Императорскаго географическаго общества А. В. Адрианова, о русской колонизаціи на Усѣ и судьбѣ раскольниковъ общинъ. Въ этой статьѣ выставлены были нѣкоторыя темныя стороны этой колонизаціи и причины, побуждающія нынѣ колонистовъ къ выселенію. Въ глухихъ мѣстахъ Сибири, гдѣ господствуетъ захватъ, и гдѣ сплошь и рядомъ происходитъ эксплуатація инородца и колониста со стороны спекулянтовъ, золотопромышленниковъ и кабатчиковъ, описанные факты не представляли ничего удивительнаго. Они повторяются во многихъ мѣстахъ Сибири и довольно аналогичны *). Миссіонерская дѣятельность является тоже безукоризненной. Часто къ миссіонерской дѣятельности прикомандировываются въ Сибирь добровольно разные авантюристы, содержатели и прежніе торговцы винныхъ складовъ и кабаковъ, причемъ конечно, трудно отъ нихъ ожидать христіанскихъ дѣлъ. Эти лица обманываютъ и злоупотребляютъ довѣріемъ духовенства и прикрываются личною благочестіемъ. Таковы были, на примѣръ, подвиги въ Алтаѣ купца Малькова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мальковъ тоже явился добровольнымъ миссіонеромъ и испросилъ благословеніе; онъ ѣздилъ въ Петербургъ, собиралъ пожертвованія, строилъ монастырь на Чулышманѣ, около Телецкаго озера, какъ на зло сторѣвшій въ моментъ учета расходовъ. Благотворенія г. Малькова также не подлежали сомнѣнію, но къ прискорбію скоро сама духовная миссія усомнилась въ чистотѣ намѣреній г. Малькова, и послѣдовало самаго скандальнаго свойства раз-

*) То-же совершается въ Алтаѣ, Забайкальи и въ Туруханскомъ краѣ.

облаченіе его дѣятельности со стороны архимандрита. Оказалось, что деньги собирались на духовныя дѣла, но отчета не отдавалось въ нихъ, братъ-же г. Малькова содержалъ винный складъ въ Барнауль. Удивительно, почему это именно у винныхъ складчиковъ въ Сибири является внезапно склонность къ миссіонерской дѣятельности въ глухихъ и отстоящихъ далеко отъ надзора мѣстахъ. Подобные миссіонеры стремятся пріобрѣсти и отвоевать прежде всего земли, будто бы для миссіонерскихъ цѣлей, у мѣстнаго населенія инородцевъ и колонистовъ. Такое пріобрѣтеніе было исходатайствовано при участіи Малькова на Усть-Башкаусѣ. Огромное пространство земель отошло отъ инородцевъ, но на нихъ въ послѣднее время проживали лишь два монаха, кстати не особенно побратски, изъ коихъ одинъ недавно умеръ. Все это бываетъ въ глухихъ дебряхъ Сибири! Отчеты весьма часто прикрываютъ темную подкладку дѣла. Такимъ образомъ факты, сообщенные путешественникомъ г. Адриановымъ, представляли много вѣроятнаго и опирались на показанія мѣстныхъ жителей, и вдобавокъ сообщены за подписью г. Адрианова, который, конечно, не затруднится представить имъ доказательства.

По поводу статьи объ усинскихъ дѣлахъ мы получили, однако, горячія возраженія со стороны двухъ заинтересованныхъ лицъ, о дѣятельности которыхъ упомянуто, а именно добровольнаго миссіонера Усинскаго края, Путилова и 1-й гильдіи минусинскаго купца Ивана Григорьевича Гусева. Мы даемъ мѣсто возраженіямъ этихъ лицъ по существу. Вотъ что отвѣчаетъ г. Путиловъ на обличеніе г. Адрианова. Г. Адриановъ говоритъ, что „невѣдомый ни для кого, нѣкій г. Путиловъ поселился на Усу“. На это г. Путиловъ возражаетъ. „Я живу въ Минусинскомъ округѣ уже 27 лѣтъ. Съ 1858 г. состою сотрудникомъ вольнаго экономическаго общества, съ 60-хъ годовъ—корреспондентомъ комитета грамотности, съ 1866 г.—дѣйствительнымъ членомъ восточно-сибирскаго отдѣла техническаго общества (давно несуществующаго), былъ агентомъ иркутской выставки, постояннымъ корреспондентомъ: „Амура“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Молвы“, „Новаго Времени“ и газ. „Сибирь“. Мы не знаемъ, признаютъ-ли упомянутыя газеты свою солидарность съ г. Путиловымъ; несомнѣнно, однако, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ литературнымъ, хотя послышка нѣсколькихъ корреспонденцій едва-ли служить ручательствомъ за безукоризненность всѣхъ дѣлъ корреспондента. Г. Адриановъ смѣлъ замѣтить, что г. Путиловъ „кабакій дѣятель“. Г. Путиловъ говоритъ: „дѣйствительно, лѣтъ 20 тому назадъ я имѣлъ винокуренный заводъ, но между заводчикомъ и сидѣльцемъ большая разница“. Совершенно вѣрно, и еще бѣльшая между миссіонеромъ и заводчикомъ. Далѣе, г. Путиловъ доказательствомъ своего безкорыстія ставитъ фактъ, что онъ получаетъ всего 180 р. за свою дѣятельность. Фактъ продажи водки отвергаетъ. Что старовѣры негодовали и негодуютъ на него, онъ не отрицаетъ, но это потому, что онъ велъ борьбу съ ними, разоблачалъ разныя злоупотребленія раскольниковъ, а также купцовъ, напримѣръ купца Сафьянова, по словамъ г. Путилова, взыскивавшаго съ сойотовъ за простую сибирскую лошадь 2,000 рублей (?). Предоставляя г. Сафьянову сосчитаться съ г. Путиловымъ по поводу этого обвиненія, мы недоумѣваемъ однако, кто уполномочилъ г. Путилова взять на себя обязанность розыска зло-

употребленій, гоненія раскольниковъ, оцѣнку ихъ дѣятельности. Вѣдь это дѣло властей, а не г. Путилова. Частное лицо можетъ быть весьма пристрастно въ подобномъ дѣлѣ. Затѣмъ г. Путиловъ отрицаетъ, что онъ имѣлъ кабакъ на р. Усу, и защищаетъ отъ того-же обвиненія г. Гусева; тамъ есть, по его словамъ, винный складъ Данилова. Мы полагаемъ, что дѣло не въ имени, а въ кабакѣ, фактъ-то кабачнаго растлѣнія остается. Такимъ-то образомъ г. Путиловъ опровергаетъ г. Адрианова! Г. Путиловъ вступается и за репутацію Семена Горбунова въ с. Коптыровскомъ, какъ церковнаго старосты, капитала ниоткуда нежившаго. Въ довершеніе онъ выставляетъ свою благотворную дѣятельность: постройку школы, обученіе татарскаго мальчика, изъ котораго г. Путиловъ будто-бы сдѣлалъ оспопрививателя; желательно, чтобы всѣ эти благодѣянія подтвердилъ не одинъ г. Путиловъ. Наконецъ, упоминая о томъ, что онъ уговорилъ гг. Гусева и Денисова построить на Усѣ церковь, г. Путиловъ спрашиваетъ „что-же я тутъ худого сдѣлалъ“?

Таково опроверженіе г. Путилова. Ничего худого нѣтъ, согласимся и мы. Но г. Путиловъ, какъ отдавшійся дѣлу благодѣяній и неимѣвшій никогда цѣлю никакихъ промышленныхъ предпріятій, вѣроятно сообразитъ, что постройка храмовъ и религіозныя стремленія имѣютъ весьма мало общаго съ торгашествомъ, золотопромышленной эксплуатаціей и коммерческою карьерою; поэтому, когда промышленный дѣятель, одною рукою запускаящую руку въ кошель нищаго населенія, взываетъ къ религіознымъ чувствамъ, является сомнѣніе не въ чувствахъ населенія, но въ чистотѣ намѣреній дѣятеля. Г. Путиловъ, какъ человѣкъ истинно-религіознаго призванія, долженъ понять это хорошо.

Теперь обратимся къ возраженію И. Г. Гусева. Г. Гусевъ въ прекрасномъ литературномъ письмѣ напоминаетъ намъ задачи, принятыя на себя нашею газетою или, какъ онъ выражается, наше „profession de foi“, „быть челобитчикомъ Саламатовымъ за Сибирь и ея населеніе“; онъ одобряетъ насъ въ этомъ намѣреніи, и мы весьма ему благодарны за поощреніе. Онъ выражаетъ даже приэтомъ чувство радости. „Нельзя не согласиться съ справедливостью этого заключенія, пишетъ этотъ другъ печати, нельзя не порадоваться, что редація взяла защиту населенія отъ баши-бузукствующихъ въ краѣ дѣятелей“. Что-же можетъ быть лестнѣе для насъ! „Но одной этой защитой роль и значеніе печати не исчерпывается“, добавляетъ онъ. „Остается еще отношеніе къ обществу и къ тѣмъ отдѣльнымъ его членамъ, которые появляются на столбцахъ областнаго органа, издающагося въ столицѣ, въ качествѣ несправедливо обвиняемыхъ“. Чувствуемъ! Затѣмъ авторъ письма жалуется на корреспондентовъ и желанія ихъ насолить кому-либо. „Понятно, что такого рода явленія невозможны въ культурномъ обществѣ, сознающемъ важность печатнаго слова“, внушаетъ г. Гусевъ, но въ некультурныхъ окраинахъ... увы! они водятся. Авторъ письма напоминаетъ, что газетѣ, издающейся въ столицѣ, трудно провѣрять слухи*), что, корреспонденты, пишущіе съ мѣста, извращаютъ факты „изъ расчета“ и, что тѣ, кто злоупотребляютъ печатнымъ словомъ, тѣ роняютъ значеніе печати,

*) Мы позволимъ себѣ успокоить за насъ г. Гусева. Столичные органы, правда, не всегда могутъ провѣрять слухи и сообщаемыя свѣдѣнія. Но г. Гусевъ самъ-же признаетъ насъ областнымъ органомъ и имѣющимъ связи съ провинціей.

и вмѣсто пользы наносить вредъ“. Какъ пріятно бесѣдовать съ просвѣщеннымъ человѣкомъ! подумали мы, читая это литературное посланіе. Съ нимъ непременно сойдешься въ мысляхъ.

Послѣ этого вступленія И. Г. Гусевъ переходитъ къ статьѣ г. Адріанова объ усинскихъ дѣлахъ и также, какъ г. Путиловъ, проситъ опровергнуть его. Онъ протестуетъ противъ смѣшенія его съ отченькой Иваномъ Аонасьевичемъ, гг. Путиловымъ и Денисовымъ. Ни винокуреннаго завода, ни винныхъ складовъ, ни кабаковъ онъ не имѣлъ. (Винокуренный заводъ, какъ видно, имѣлъ г. Путиловъ, а кабаки содержать г. Даниловъ). Онъ же, г. Гусевъ, имѣетъ только золотые пріиски. Въ заключеніе г. Гусевъ задаетъ намъ вопросъ: „построить церковь для своихъ пріисковыхъ рабочихъ развѣ составляетъ преступленіе? или намѣреніе эксплуатировать?“

Боже сохрани! отвѣчаемъ мы почтенному автору письма и благотворителю. Кто-же въ этомъ можетъ сомнѣваться?

Но вотъ что пишутъ намъ о нѣкоторыхъ благотвореніяхъ изъ одного уголка Сибири: „Сплошь и рядомъ встрѣчаются на Руси субъекты, которые десятки лѣтъ подъ рядъ „хапаютъ“ и жмутъ всякаго, кто, по нуждѣ, попадаетъ въ ихъ загребистыя лапы, наживаются, богатѣютъ и вдругъ, на старости лѣтъ, начинаютъ заботиться о спасеніи своей души, искривленной неправедными дѣлами. Одинъ строитъ обширный храмъ, въ расчетѣ, что онъ заслонитъ отъ неба его великія и многія прегрѣшенія; другой жертвуетъ увѣсистый колоколь, въ надеждѣ его воскреснымъ гуломъ заглушить вопли общипанныхъ и ободранныхъ имъ собратій, и т. д. Но и эти очистительныя жертвы у такихъ субъектовъ рѣдко обходятся безъ того, чтобы они даже тутъ, по старой памяти, кого можно, не обсчитали, кого не слѣдуетъ обижать—не изобидѣли: привычка вторая натура!..

„Такія мысли мнѣ невольно приходятъ въ голову, когда я смотрю на величественный соборъ, достроивающійся въ нашемъ городѣ на средства волостнаго писаря въ прошломъ и золотопромышленника, заводчика и миллионера въ настоящемъ. Казалось-бы, зачѣмъ этому кающемуся грѣшнику, желающему спасти свою душу построениемъ храма, обсчитывать рабочихъ, обижать тотъ самый людъ, руками котораго создано все его богатство, обижать и гдѣ-же! у подножія алтаря, съ котораго вскорѣ понесутся мольбы „о великихъ и богатыхъ милостяхъ создателю храма сего“!..

„Привычка вторая натура! Субъектъ этотъ былъ городскимъ головою, служилъ общественнымъ интересамъ съ готовностію безвозмездно отдавать свое время и трудъ на пользу общества, и все-таки сказалося въ немъ „писарское начало“: при сдачѣ, съ торговъ, лавокъ гостиннаго ряда, набилъ цѣну, лишилъ прежнихъ торговцевъ помѣщенія и... не уплатилъ городу денегъ, а напомнили—официальной бумагой поставилъ городу на видъ свое безвозмездное служеніе и изумился: кажется, дескать, можно было-бы и не требовать съ меня 300 р. за лавки! Теперь достроиваетъ на свои средства храмъ, начатый на городскія деньги, жертвуетъ тысячи на вѣковѣчный памятникъ для своей будущей славы и обсчитываетъ рабочихъ на десятки рублей: опять сказалося „писарское начало“.

„Цѣлое лѣто каменщики, штукатуры и чернорабочіе трудились надъ возведеніемъ красиваго собора. Но вотъ наступилъ конецъ работъ. Каменщики и штукатуры, выписанные

изъ Томска, рассчитаны, какъ слѣдуетъ—въ тѣхъ видахъ, что и въ будущемъ году они пригодятся, а чернорабочіе—этихъ всегда найдешь! (Въ нынѣшнемъ году даже люди съ нѣкоторымъ образованіемъ, припертые нуждой и неволей, и тѣ таскали кирпичи на колокольню)—„ушли, повторяя: суди его Богъ“!

„По условію, заключенному чернорабочими съ довѣреннымъ приводимаго благотѣтеля, мѣстнымъ архитекторомъ, они получали по 18 р. въ мѣсяцъ, причемъ 15 руб. считались жалованьемъ, а 3 р.—наградой за усердіе (надо же какъ-нибудь возбуждать мужицкое рвеніе!). Все лѣто имъ выдавали по 18 р., но въ началѣ осени пріѣхалъ хозяинъ и нашель, что очистительная жертва, при поддержкѣ рабочей энергіи тремя рублями, обходится ему слишкомъ дорого, и въ день окончательной расплаты съ чернорабочими, за послѣдній мѣсяцъ съ десятью днями, они не получили ни копѣйки; прежнія „наградныя“ трехрублевки засчитаны въ жалованье!“ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Неужели это добрыя дѣла? спросимъ мы Ивана Григорьевича. Конечно, онъ ихъ не одобритъ. Благотворенія бывають значить разныя.

Литературное письмо Ивана Григорьевича Гусева, признаться, произвело на насъ такое убѣдительное впечатлѣніе, что мы хотѣли отказаться отъ г. Адріанова, котораго обвиняетъ г. Гусевъ въ клеветѣ, и согласиться, что корреспонденты, и въ томъ числѣ красноярскіе и минусинскіе, есть порожденіе „некультурнаго общества“, совершенная противоположность, чѣмъ мы съ г. Гусевымъ. Ахъ, когда эта Сибирь станетъ культурной! Мы переполнились такою-же горечью, какъ и Иванъ Григорьевичъ Гусевъ за судьбы родины.

Но мы остановились немного въ размысленіяхъ. Чѣмъ отзывамъ и показаніямъ придавать болѣе вѣроятія и довѣрія? Г. Адріановъ извѣстный путешественникъ въ дѣлѣ науки; онъ заслуживаетъ полнаго довѣрія, онъ горячо относится къ судьбѣ мѣстнаго несчастнаго населенія и ничѣмъ не заинтересованъ. Что касается гг. Путилова и И. Г. Гусева, то они все-таки въ данномъ случаѣ лица заинтересованныя и защищаютъ только свою личность отъ обвиненій. Между тѣмъ положеніе жителей на Усѣ по всѣмъ фактамъ печальное и горькое. Положеніе инородцевъ по всей Сибири непривлекательно, и Усѣ не составляетъ исключенія. Мы же, по признанію г. Гусева, обязаны принимать сторону мѣстнаго населенія и ходатайствовать за него. Въ нашихъ рукахъ лежитъ замасленная „челобитная“; какъ вы сами признаете, эта челобитная исполнена часто горемъ народнымъ и полита слезами. Можемъ-ли мы не отозваться? Это бѣдное населеніе на Усѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, некому защитить; у него нѣтъ капиталовъ, оно не обладаетъ литературнымъ слогомъ. А между тѣмъ оно также нуждается въ защитѣ, оно воиетъ къ правдѣ, къ закону!

Иванъ Григорьевичъ! Вы, просвѣщенный человѣкъ, надѣемся вполнѣ, въ данномъ случаѣ будете сочувствовать нашимъ намѣреніямъ.

Ред.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ Англіи, 7 апрѣля, передъ полицейскимъ судомъ въ Баустритѣ предстали арестованные по дѣлу о захваченномъ динамитѣ, Уильсонъ, Дальтонъ, Кертинъ, Осборгъ, Томасъ, Бернардь, Галлагеръ и Уайтхедъ. Они обвиняются въ государственной измѣнѣ. Арестантъ Норманъ обратился въ доносителя. Онъ показалъ, что динамитный заговоръ составленъ былъ феніанскимъ братствомъ въ Нью-Йоркѣ, и что членами это братства были Галлагеръ и онъ, Норманъ. Руководителемъ братства былъ Галлагеръ. По дѣлу объ убійствѣ въ Фениксъ-паркѣ, Корлэ признанъ присяжными засѣдателями виновнымъ въ соучастіи убійства и приговоренъ судомъ къ смертной казни. Въ Ливерпулѣ арестованъ Кингстонъ, обвиняемый въ соучастіи по убійству въ Фениксъ-паркѣ. Въ англійскихъ газетахъ получаютъ извѣстія о бѣдствующемъ сельскомъ населеніи; то же признано и парламентскими комиссіями. Въ Шотландіи, угнетеніе и несправедливость ландлордовъ начинаетъ вызывать недовольство и волненіе среди народа. Наложеніе чрезмѣрной ренты, произвольныя изгнанія съ арендуемыхъ участковъ и отсутствіе защиты можетъ Шотландію быстро поставить въ положеніе Ирландіи. Въ палатѣ общинъ лордъ Фицморисъ заявилъ, что англійское правительство совѣщалось съ державами, подписавшими берлинскій трактатъ, относительно скорѣйшаго улаженія вопроса о дани Болгаріи, Черногоріи, Сербіи и Греціи, но что послы, совѣщавшіеся въ Константинополѣ, не пришли къ соглашенію. Въ палатѣ лордовъ Гренвилль отказалъ дать поясненія относительно намѣреній правительства въ Средней Азійи и свѣдѣнія о поступательномъ движеніи Россіи въ тѣхъ краяхъ. Румынскому правительству Англія заявила, что странная его оппозиція постановленіямъ берлинскаго трактата могла бы помѣшать работамъ европейско-дунайской комиссіи. Вслѣдствіе чего сентъ-жемскій кабинетъ считаетъ умѣстнымъ предложить прочимъ державамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, поручить какой-либо изъ державъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы постановленіямъ лондонской конференціи оказываемо было должное уваженіе. Европейско-дунайская комиссія откроетъ свои засѣданія въ Галацѣ 14 мая.

— Французское правительство намѣрено внести законопроектъ, объ ассигнованіи кредита въ 5.000,000 франковъ на тонкинскую экспедицію и 370,000 франковъ на представительство Франціи при коронаваніи Ихъ Величествъ Императора и Императрицы Всероссійскихъ. Вопросами дня служатъ экономическіе и финансовыя вопросы страны, предметами газетныхъ толковъ продолжаетъ быть тройственный союзъ Германіи, Австріи и Италіи.

— Въ пештскомъ сеймѣ Тисса на вопросъ о тройственномъ союзѣ высказалъ, что рѣчь итальянскаго министра Манчини была невѣрно истолкована, что никакого оборонительнаго и наступательнаго союза между Германіею, Австріею и Италіею не было заключено, но что Италія только присоединилась къ консервативной политикѣ Австріи и Германіи, цѣль которой состоитъ въ обеспеченіи мира. Свой ловкій маневръ министр-президентъ Тисса заключилъ мнѣніемъ, что опасаться тройственнаго союза можетъ только держава, желающая нарушить миръ. Въ Вѣнѣ, въ университетѣ произведена была шумная демонстрація по поводу энергическихъ мѣръ, принятыхъ противъ участниковъ демонстраціи въ память Рихарда Вагнера и исключенія двухъ студентовъ изъ университета. Австрійское правительство готовитъ законопроектъ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случайностей.

— Въ германскомъ рейхстагѣ прочитано было парламентское посланіе императора Вильгельма, гдѣ предлагается рейхстагу принять ближе къ сердцу вопросъ объ улучшеніи участи рабочихъ и о сохраненіи мира между различными слоями населенія, а также поторопиться принятіемъ бюджета на 1884—85 годъ. Рѣшено отвѣтить на посланіе императора

адресомъ. Либеральная берлинская печать высказываетъ мнѣніе, что посланіе императора имѣетъ цѣлью повліять на ускореніе бюджетныхъ преній, а партія прогресистовъ въ германскомъ рейхстагѣ остается при томъ убѣжденіи, что слѣдуетъ всеми силами содѣйствовать разработкѣ законопроекта страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случайностей, но только тогда, когда правительственный проектъ путемъ переработки изъ вредоноснаго превратится въ проектъ дѣйствительно полезный для рабочихъ.

— Покушавшаяся на жизнь короля Милана, Елена Марковичъ вскрыла себѣ артеріи рукъ вязальными спицами, но жизнь ея внѣ опасности. Обвинявшаяся въ соучастствѣ съ нею Елена Книганинъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ лишила себя жизни.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Именные Высочайшіе указы, данныя Правительствующему Сенату:

1883 года апрѣля 7-го. Томскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мерцалова—Всемиловѣйше увольняемъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, отъ службы.

Московскому вице-губернатору, въ званіи камергера Двора Нашего, дѣйствительному статскому совѣтнику Красовскому—Всемиловѣйше повелѣваемъ быть томскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ званіи камергера.

— Газеты передаютъ, что Высочайшій пріѣздъ въ Москву предполагается 8 мая, къ которому наканунѣ должны прибыть изъ Петербурга всѣ командированныя войска.

— Въ „Нов. Врем.“ сообщаютъ, что 20-го апрѣля начнется передвиженіе въ Москву войскъ, предназначенныхъ по случаю предстоящаго торжества коронаванія Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы. Какъ слышно, всѣ войска должны быть на мѣстѣ 7 мая.

— Для ознакомленія иностранныхъ гостей, которые пріѣдутъ къ Коронаціи, съ историческими памятниками Москвы и достопримѣчательностями Петербурга будутъ назначены нѣсколько человекъ изъ ученыхъ чиновниковъ, состоящихъ при министерствѣ Двора.

— На всѣхъ коронаціонныхъ торжествахъ будутъ присутствовать, кромѣ корреспондентовъ русскихъ и иностранныхъ политическихъ газетъ, также представители иностранныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, художники и фотографы.

— 7-го апрѣля, въ 10¼ часовъ вечера, скончалась, послѣ продолжительной болѣзни, въ С.-Петербургѣ, ея императорское высочество княгиня Терезія Петровна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская. Ея высочество родилась 18-го марта 1852 года, въ супружество вступила съ его императорскимъ высочествомъ княземъ Георгіемъ Максимиліановичемъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, 20-го апрѣля 1879 года.

— Главноначальствующій гражданскою частію на Кавказѣ, генераль-адъютантъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ выѣхалъ вчера, 8-го апрѣля, въ Тифлисъ для занятія своего поста. Какъ извѣстно, продолжительное пребываніе въ Петербургѣ главнаго начальника Кавказа обуславливалось разсмотрѣніемъ, въ законодательномъ порядкѣ, проекта новаго управленія въѣренною ему окраиною.

— По всеподданѣйшему докладу министра финансовъ, Государь Императоръ, 8-го апрѣля, Высочайше повелѣтъ соизволилъ открыть дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка, не выжидая утвержденія въ законодательномъ порядкѣ правилъ о порядкѣ производства публичныхъ торговъ на продажу заложенныхъ въ означенномъ банкѣ участковъ, въ случаѣ неисправности заемщиковъ во взносѣ срочныхъ платежей по ссудамъ изъ банка.

Репортомъ отъ 8-го апрѣля министръ финансовъ донесъ правительствующему сенату, что крестьянскій поземельный банкъ и девять его отдѣленій—волынское, екатеринославское, кievское, могилевское, подольское, полтавское, саратовское, тверское и черниговское—открываютъ свои дѣйствія съ 10-го апрѣля.

— Во всѣхъ варшавскихъ газетахъ отъ 7-го апрѣля напечатано слѣдующее объявленіе за подписью варшавскаго оберъ-полицеймейстера, свиты Его Величества генералъ-майора Бутурлина: „Вслѣдствіе безпорядковъ, происшедшихъ въ Императорскомъ варшавскомъ университетѣ между студентами, объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ сборища на улицахъ Варшавы строго воспрещаются и публика, какъ проходящая, такъ равно и проѣзжающая въ экипажахъ, приглашается не задерживать движенія. Лица, замѣченныя въ нарушеніи этого распоряженія, будутъ подвергнуты строгой отвѣтственности“. Объявленія такого же содержанія были расклеены на всѣхъ варшавскихъ улицахъ.

— „Русск. Вѣд.“ сообщаютъ, что кахановская коммисія приступила къ разсмотрѣнію вопросовъ: о губернской коммисіи и объ опредѣленіи пространства правъ и власти губернаторовъ.

— „Новое Время“ слышало, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ на-дняхъ будетъ рѣшаться вопросъ объ обращеніи въ пользу дворянскаго сословія выморочныхъ и муществъ умершихъ дворянъ, неоставившихъ потомства. Предполагается недвижимыя имѣнія обращать въ собственность дворянства той губерніи, въ чертахъ которой оно находится, а движимыя—въ пользу дворянства, по мѣсту занесенія безпотомно умершаго дворянина въ дворянскую родословную книгу.

— 6-го апрѣля, состоялось годовое общее собраніе общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, въ которомъ, за отказомъ П. П. Демидова князя Санъ-Дonato отъ должности предсѣдателя, происходили выборы новаго предсѣдателя. Передъ выборами было доложено заявленіе двадцати одного члена „общества“, проживающихъ въ Москвѣ, о выборѣ въ предсѣдателя графа Н. П. Игнатьева; избраніе послѣдовало единогласное.

— Газеты сообщаютъ о возникшемъ въ военномъ министерствѣ предположеніи закрыть существующій въ Соляномъ городкѣ педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній или передать его вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ онъ по своимъ специально-учебнымъ средствамъ и цѣлямъ и долженъ былъ бы находиться. По слухамъ, ближайшею причиною закрытія и передачи этого музея служить то обстоятельство, что занимаемое имъ въ Соляномъ городкѣ помѣщеніе требуется военному вѣдомству для другаго назначенія.

— По словамъ „Моск. Вѣдом.“, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, образована въ Омскѣ особая коммисія для пересмотра временнаго положенія объ управленіи степныхъ областей и проекта управленія Семирѣченской области.

— Изъ Томска отъ 7-го апрѣля есть телеграмма: въ ремесленной управѣ произошелъ пожаръ, который приписываютъ поджогу; огонь показался въ шкафу, гдѣ хранились дѣла и паспорта, и вслѣдъ за назначеніемъ ревизіи. Письмоводитель управы арестованъ.

— По извѣстіямъ съ разныхъ пунктовъ Волги, можно заключить, что навигація уже открылась. На Камѣ полный ледоходъ.

— 3-го апрѣля была объявлена резолюція по разбираемому въ одесскомъ военномъ судѣ политическому дѣлу: кандидатъ правъ Попельницкій признанъ невиновнымъ и оправданъ судомъ; подсудимые Дзвонкевичъ, Майеръ и Поповъ приговорены къ ссылкѣ на каторжныя работы въ рудникахъ безъ срока; Дрей, Матѳіевичъ, Батаговъ, Иванайнъ, Николай, Надѣвъ и Куртеевъ—къ ссылкѣ на работы въ рудникахъ на 15 лѣтъ. Относительно остальныхъ подсудимыхъ

судъ постановилъ: Ровенскаго, Вальцева, Голикова и Саричева—сослать на каторгу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; Фурсенко, Фейгу, Морейнисъ и Торгашева—сослать на каторгу на заводахъ на 4 года; Евгению Степанову, Райха, Немировскаго, Клименко, Карпа Надѣва и Филюкова—на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

— Въ воскресенье, 3-го апрѣля, Н. Д. Хвоцинской (Крестовскій-псевдонимъ) поднесенъ адресъ почитателями ея таланта. Депутація, явившаяся въ квартиру симпатичной писательницы, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: П. И. Вейнберга, А. Н. Плещеева и г-жъ Мердеръ (Северинъ), Шапиро и Ломовской (Нелидовой). Кромѣ сочувственнаго адреса, Н. Д. Хвоцинской поднесены золотыя часы, цвѣты и портфель въ серебряной оправѣ.

— Телеграфъ разнесъ печальную вѣсть, что въ Тифлисѣ, 21-го марта, скончался генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, членъ государственнаго совѣта, князь Григорій Дмитриевичъ Джамбакуріанъ-Орбелиани, и вѣроятно, какъ замѣчаетъ „Русск. Курьеръ“, многіе прочли это извѣстіе, нисколько не подозревая, что грузинская литература въ его лицѣ потеряла одного изъ талантливѣйшихъ поэтовъ. Незадолго до болѣзни, покойный, несмотря на свои 80 лѣтъ, отличался бодростью и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Родился онъ еще въ то время, когда Грузія, напрягая свои послѣднія усилія, отстаивала свою политическую самостоятельность и православіе. Онъ происходилъ изъ знатнаго дома грузинскихъ князей, которые играли видную роль при грузинскихъ царяхъ. Грузинская интеллигенція оплакиваетъ почившаго поэта, газеты обложены траурной каймой. По своему таланту, Григорій Дмитриевичъ не уступалъ многимъ европейскимъ свѣтиламъ, и если не-грузинамъ онъ неизвѣстенъ, какъ поэтъ, то это не потому, что онъ незамѣчателенъ, а потому, что русская публика, какъ и западно-европейская, мало интересуется грузинской литературой. Всѣ его произведенія весьма прочувствованы; въ нихъ видно глубокое знаніе грузинской народности, ея историческаго прошлаго и настоящихъ нуждъ.

— По послѣднему политическому дѣлу въ С.-Петербургѣ состоялась слѣдующая резолюція: 1) подсудимыхъ: Юрія Богдановича, Петра Телалова, Савелія Златопольскаго, Михаила Грачевскаго, Михаила Клименко и Александра Буцевича, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе; 2) Якова Стефановича и Прасковью Ивановскую, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы безъ срока—Стефановича въ рудникахъ, а Ивановскую на заводахъ; 3) Анну Корба лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 20 лѣтъ; 4) подсудимыхъ: Борейшу, Калюжнаго, Александра Прибылева, Антонину Лисовскую, Хасю Гринбергъ, Надежду Смирницкую, Марью Юшкову и Раису Прибылеву, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 15 лѣтъ: Борейшу, Калюжнаго и Прибылева въ рудникахъ, а Гринбергъ, Лисовскую, Смирницкую, Юшкову и Прибылеву на заводахъ; 5) настоящій приговоръ въ отношеніи дворянъ: Богдановича, Лисовской, Корба и отставнаго лейтенанта флота Буцевича представить чрезъ министра юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества, на предметъ лишенія ихъ всѣхъ правъ состоянія, а Буцевича и ордена св. Станислава 3-й степени; 6) участь подсудимыхъ: Борейши, Гринбергъ, Юшковой и Прибылевой, во вниманіе къ особеннымъ, уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ, на основаніи 153, 154 ст. улож. о наказ. и 775 ст. уст. угол. суд., повергнуть въ порядкѣ, указанномъ въ послѣдней статьѣ, на Монаршее Его Императорскаго Величества милосердіе и ходатайствовать—не благоугодно-ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть: Прибылеву сослать въ каторжныя работы на заводахъ на четыре года, а Борейшу, Гринбергъ и Юшкову сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, съ лишеніемъ этихъ четырехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Импер. Русск. географ. общества по отд. этн., т. X, в. I. Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границы Китая русскаго посланника Николая Спаарія въ 1675 году. Дорожный дневникъ Спаарія съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева. Сиб. 1882 г. Русскій писатель второй половины XVII вѣка, Николай Спаарій, вѣдвѣвшій съ посольствомъ въ Китай въ 1675 г., оставилъ описаніе этого посольства въ двухъ книгахъ; одна содержитъ въ себѣ описаніе китайскаго государства, другая—описаніе пути посольства чрезъ Сибирь. Первая часть была извѣстна давно, хотя издана никогда не была; вторая недавно отыскалась въ китайскихъ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностр. дѣлъ. Теперь эта послѣдняя книга издана Русскимъ геогр. обществомъ въ ознаменованіе 300-лѣтняго юбилея Сибири. Текстъ былъ приготовленъ къ печати Ю. В. Арсеньевымъ, который снабдилъ книгу введеніемъ и примѣчаніями. Эта книга Спаарія представляетъ первое обстоятельное описаніе Сибири, изложенное въ видѣ дорожника. Московское правительство направило Спаарія въ Китай чрезъ Тобольскъ, обратно же онъ долженъ былъ выѣхать чрезъ Астрахань. Послѣднее, однако, Спаарію не удалось выполнить. Снабженный инструкціями и справками о путяхъ въ Китай, пройденными уже Байковымъ и другими русскими послами, Спаарій прибылъ въ Тобольскъ; отсюда ему было предложено на личный выборъ или ѣхать путемъ Байкова чрезъ Западную Монголію, или чрезъ Сибирь. Тобольскій воевода, въ виду неспокойнаго состоянія Барабинской степи, не рѣшился отпустить Спаарія Байковскимъ путемъ, и Спаарій долженъ былъ на досчаникахъ отправиться по сибирскимъ рѣкамъ. Если бы Спаарій отправился Байковскимъ путемъ, мы имѣли бы тогда такое же обстоятельное описаніе путешествія вдоль всей Монголіи, какое онъ далъ о своемъ переѣздѣ чрезъ Сибирь. Изъ Тобольска Спаарій ѣхалъ по Иртышу, Оби и Кети до Маковского волока, оттуда въ Енисейскъ, изъ Енисейска вверхъ по Ангарѣ до Иркутска, затѣмъ вдоль западнаго берега Байкала до Посольскаго монастыря, наконецъ чрезъ Селенгинскъ, Еравинскій острогъ, Нерчинскъ до китайской границы. На всемъ пути Спаарій подробно перечисляетъ всѣ минувшія рѣчки, горы, острова, селенія, какъ русскія, такъ и инородческія; описываетъ лѣса, которыми покрыта страна, звѣрей, которыя въ нихъ ловятся, говоритъ о климатѣ («а вѣтры наипачи суть сѣверны, для того что государство Сибирское по самаго сѣвернаго вертѣжа»); отмѣчаетъ, гдѣ кончается одно инородческое племя и начинается другое; даетъ нѣкоторыя замѣтки о религіи дикарей, сообщаетъ о городищахъ и другихъ остаткахъ древности. Разставаясь съ большими рѣками, каковы: Иртышъ, Обь, Енисей, онъ дополняетъ лично видѣнное разспросными свѣдѣніями о верхнемъ теченіи ихъ и о ихъ устьяхъ. Такія же отдѣльныя отступленія онъ дѣлаетъ и по поводу Байкала и Лены, хотя послѣдней онъ и не касался. О сибирской тайгѣ онъ говоритъ: «лѣсъ тотъ, которой идетъ и по Обѣ рѣкѣ и по всему сибирскому государству до самаго Окіанскаго моря, которой лѣсъ преславной есть и превеликой», и отождествляетъ его съ классически извѣстнымъ Гирцинскимъ лѣсомъ Германіи. Онъ чувствуетъ, что въ его лицѣ путешествуетъ по странѣ первый человѣкъ, который можетъ оцѣнить важность открытія для науки, сдѣланнаго занятіемъ края. Объ Иртышѣ онъ говоритъ: «Рѣка Иртышъ у древнихъ и нынѣшнихъ греческихъ и латинскихъ земнописателей невѣдома есть, для того, что вершины ея истеченія изъ Камени и степью чрезъ непроходимыхъ мѣстъ, гдѣ они и слухомъ не слышали, какія рѣки суть и какіе люди живутъ». Въ томъ же родѣ онъ выражается объ Оби, Байкалѣ и въ другихъ мѣстахъ. «Обь, пространнѣмъ теченіемъ, будто море» внушаетъ ему слѣдующія слова, которыя онъ вставляетъ въ свою отписку къ Царю изъ Самаровскаго яму: «И я, холопъ твой, нынѣ оставляя Европу налѣво, къ западу, перебѣгаю нарусомъ во Асію направо къ востоку Обью рѣкою супротивъ воды, моляще преблагаго Бога, который далъ толикую препространную власть подъ Европію и Асію тебѣ, Великому Государю, Вашему Царскому Величеству (какъ иному изъ христіанскихъ монартовъ никому не далъ), дабы пространилъ царство и государство Вашего Царскаго Величества и надъ иными частей свѣта и побѣдоносца объявилъ».

Перечисляя названія урочищъ, онъ иногда сообщаетъ объясненія, которыя даются имъ народными преданіями. Проѣзжая воеводскіе города онъ говоритъ о числѣ русскихъ селеній, о числѣ служилыхъ людей и указываетъ, изъ какихъ хлѣбопахатныхъ мѣстъ край продовольствуется хлѣбомъ. Русскимъ населеніемъ Сибирь тогда была еще скудна. Въ Балаганскѣ Спаарій нашелъ всего два двора нашенныхъ крестьянъ, а въ Иркутскѣ только 40 жилыхъ казацкихъ и посадскихъ дворовъ. Однако о Ленѣ онъ отзывается, что тамъ началось уже повсюду земледѣліе.

Въ приложеніяхъ и примѣчаніяхъ г. Арсеньевъ приводитъ отрывки или цѣлыя акты, извлеченные имъ изъ дѣлъ Московскаго архива. Тутъ между прочимъ помѣщены отрывки изъ бывшихъ доселѣ неизвѣстныхъ сказокъ о посольствахъ къ Алтынъ-хану сына боярскаго Бажена Карташева въ 1636 г. и Василья Старкова въ 1638 г.; послѣднее было помѣщено у Фишера, но Фишеровское изложеніе существенно отличается отъ того, которое найдено г. Арсеньевымъ въ Архивѣ.

Чтобы оцѣнить значеніе, которое должно было имѣть въ свое время Спааріево описаніе Сибири, говоритъ г. Арсеньевъ, достаточно вспомнить, что до этого труда не существовало ни одного точнаго описанія русскихъ владѣній за Ураломъ. Кромѣ текстовъ сибирскихъ чертежей, отличавшихся сжатостью и заключающихъ только краткое описаніе дорогъ, существовали весьма краткія описательныя статьи о Сибири, которыя встрѣчаются въ Степенныхъ книгахъ и Космографіяхъ. Таково, на примѣръ, «Описаніе Сибирскаго государства», которымъ начинается сибирская лѣтопись Саввы Есинова; другое оригинальное описаніе Сибири составляетъ степень 17-ю въ Степенной книгѣ. Въ Космографіяхъ встрѣчаемъ двѣ редакціи о Сибири, а именно: 1) земля Сибирская нарицается звѣрообразныхъ людей и 2) Царство Сибирское; вторая полнѣе. Къ концу XVII в. позже Спаарія (1683) относится еще одно описаніе Сибири, хранящееся въ Румянцовскомъ музеѣ.

Хотѣлось бы видѣть и эти памятники въ скоромъ времени изданными и доступными для интересующейся сибирской исторіей публики.

Г. П.—нѣ.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 12 апрѣля. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. $23\frac{1}{8}$ пенс. за рубль, на Парижъ $250\frac{1}{2}$ сант., на Гамбургъ $203\frac{1}{2}$ пфен. Полуимперіалы 8 р. 26 к.; рубли серебр. 1 р. „А. Д. Сил. Госуд. Банка 1 вып. $95\frac{3}{8}$, 2 вып. $92\frac{3}{8}$, 3 вып. $92\frac{1}{2}$, 4 вып. $92\frac{3}{8}$, 5 вып. $92\frac{3}{8}$. Восточный заемъ 92. Первый выигр. заемъ $220\frac{1}{4}$, второй выигр. заемъ $210\frac{1}{4}$. Обл. Спб. гор. кред. общ. 87, облиг. Моск. гор. кред. общ. $86\frac{1}{4}$. $5\frac{1}{2}\%$ рента 100, закл. лист. земск. банка Херс. губ. $90\frac{3}{4}$, 5% , закл. лист. общ. взаимн. позем. кред. $134\frac{1}{4}$. 6% Закл. лист. Харьковск. зем. банка $92\frac{1}{2}$, закл. листы Тульск. зем. банка $93\frac{1}{4}$. Акц. Спб. учет. ссуд. банка 435 (безъ дивид. $22\frac{1}{2}$ р.), акц. Сибир. торг. банка 335, акц. Центр. банка русск. позем. кред. 51, акц. парох. общ. „Самолетъ“ 200, акц. парох. общ. „Кавказъ и Меркурій“ 425 (безъ дивид. 30 р.), акц. Главн. общ. Россійск. ж. д. $259\frac{1}{2}$, акц. Рыбин.-бол. ж. д. $60\frac{1}{2}$, акц. Гряз.-Цариц. ж. д. $94\frac{1}{2}$. Настроеніе биржи съ курсомъ тихое, бумагами цѣны безъ измѣненія и дѣлъ мало.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ.

(къ 300-лѣтню Сибири).

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

1882 г.

Цѣна 3 руб.

Подписчики „Восточнаго Обозрѣнія“, выписывающіе эту книгу чрезъ редакцію, пользуются уступкой 20%.